

ЛЮ
ЧЖЭНЬЮНЬ
ОДИН
ДЕНЬ
ЧТО
ТРИ
ОСЕНИ

Лю Чжэньюнь

Один день что три осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68617922

Один день что три осени:

ISBN 978-5-89332-396-2

Аннотация

«Один день что три осени» (2021) Лю Чжэньюня стал шестым романом этого китайского писателя, переведенным на русский язык. Автор обращается к преданиям родного города Яньцзиня о легендарной фее, приходящей во сне к обывателям, чтобы выслушать свежий анекдот. В этой истории сон проникает в явь, духи разговаривают с живущими, гадатели помогают обрести правильный путь, а бурная жизнь современного Китая оказывается пронизана историей любви, протянувшейся через тысячелетия. Новый роман отличается легким стилем и написан с присущим только Лю Чжэньюню юмором.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	21
Часть 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Лю Чжэньюнь

Один день что три осени

COPYRIGHT © Changjiang New Century Culture and Media Ltd. Beijing, China, 2021

The Russian translation edition is published in Russia by arrangement with Hyperion Publishing House.

© Издательский Дом «Гиперион», 2022

Предисловие

Картины Шестого дядюшки

Закончив этот роман и оглянувшись на написанное, мне захотелось рассказать ради чего я все это затеял.

А все ради Шестого дядюшки, ради картин Шестого дядюшки.

Когда-то Шестой дядюшка играл на трехструнке в яньцзиньской¹ труппе, исполнявшей хэнаньскую оперу. Поскольку родился он по счету шестым, то в молодости его называли Шестерочкой или Шестым братцем. Когда же он вступил в солидный возраст, младшее поколение стало величать его Шестым дядюшкой. В тот год, когда мне исполнилось восемь, яньцзиньская труппа объявила набор учащихся, и я тоже решил попытаться счастья. Едва я вышел на сцену и пропел пару фраз, как руководитель труппы прогнал меня вон. «Самородок тут нашелся, верещит, точно резаная курица, таким жутким голосом и нарочно-то не запоешь», – раздалось вослед. Моя матушка в то время торговала соевым соусом на улице Дунцзе. Зайдя за соусом, Шестой дядюшка стал оправдываться: «Сестрица Лю, когда твой сынок вышел на сцену, я из кожи вон лез, мелодию в самый низ вывел». На что матушка ответила, мол, грязью стену не подопрешь.

¹ Яньцзинь – уезд в провинции Хэнань, родина Лю Чжэньюня

Шестой дядюшка, помимо того, что играл на трехструнке, также рисовал декорации.

Позже, когда в каждом доме появился телевизор, народ перестал ходить на спектакли, труппа тогда распалась, и Шестой дядюшка устроился на местный механический завод литейщиком; позже, когда завод обанкротился, он устроился на хлопкопрядильную фабрику механиком. В свободное от работы время Шестой дядюшка к инструменту уже больше не прикасался, зато вспомнив ремесло изготовления декораций, он стал рисовать дома. Перед Праздником весны² он писал новогодние пожелания на парных полосках красной бумаги и относил их на ярмарку, чтобы немного подзаработать.

Как-то раз на Праздник середины осени я вернулся в Яньцзинь навестить родных и, столкнувшись на улице с Шестым дядюшкой, вспомнил тот случай с моим поступлением в труппу.

– Твое счастье, что не поступил, – сказал дядюшка, – а то бы сейчас вместе остались не у дел.

Мы оба посмеялись. Потом Шестой дядюшка спросил:

– Слышал, ты теперь занимаешься писательством?

– Да уж, встал по ошибке на гибельный путь, – отшутился я, – А вы, слышал, сейчас рисуете?

– Твоя тетка каждый день ругается, называет меня придурком, – откликнулся он, – ну, придурок так придурок, а

² Китайский новый год, отмечается по лунному календарю

если себя ничем не занимать, так и помереть впору от скуки.

– Это точно, у меня то же самое: пишу, просто чтобы развеять скуку, не ахти какой уровень мирового масштаба.

Мы снова посмеялись. Позже я подарил ему несколько своих книжек, а он пригласил меня посмотреть на его художества. Со временем это вошло у нас в привычку: всякий раз, приезжая к родным на Праздник чистого света³, на Праздник начала лета, на Праздник середины осени или на Праздник весны, я непременно приходил к Шестому дядюшке полюбоваться его картинами. Он время от времени рисовал, а я следом время от времени смотрел. Шестой дядюшка в основном рисовал Яньцзинь, но не тот Яньцзинь, который каждый видел перед собой. К примеру, Яньцзинь не стоит на берегу Хуанхэ, а на картинах дядюшки город изображался прямо у Хуанхэ, чьи волны вздымались до самых небес, а на берегу находилась переправа. Кроме того, Яньцзинь лежит на равнине, никаких гор в его пределах нет, а за Яньцзинем, что рисовал дядюшка, возвышались огромные горы, за которыми также виднелись горы; их вершины круглый год были покрыты снежными шапками. Как-то раз, наведя дядюшку на Праздник начала лета, я заметил одну картину, на ней озаренная лунным светом, загибаясь от смеха, хохотала прекрасная девушка, подле нее росло дерево, словно фонариками усыпанное красной хурмой. Я тут же спросил:

³ День поминовения усопших и уборки могил, обычно отмечается 5 апреля

– Это кто?

– Фея, которая случайно попала в Яныцзинь.

– А над чем она смеется?

– Зашла в чей-то сон послушать шутку, и она ей понравилась, – ответил дядюшка и добавил, – а ты думаешь кто научил наших яныцзиньцев шутить?

Еще на одной картине я увидел целое скопище мужских и женских голов, дружно хохочущих во весь рот. А вот на другой картине все было с точностью до наоборот: скопище людских голов демонстрировало серьезные лица с закрытыми глазами. Картину со смеющимися физиономиями я еще как-то мог понять, учитывая страсть яныцзиньцев к шуткам, но при чем тут серьезные лица с закрытыми глазами? Шестой дядюшка мне объяснил:

– Их раздавили, – и тут же добавил, – есть любители пошутить, а есть любители оставаться серьезными, так что последних сгубила их серьезность.

Еще на одной картине была нарисована харчевня, в ней под столом лежал окруженный толпой человек, на заваленном объедками столе стояла тарелка с рыбьей головой, и эта рыба голова смеялась.

– Что с этим несчастным, который на полу? – спросил я.

– Он ел рыбу, а за соседним столиком кто-то пошутил, он рассмеялся и подавился рыбьей костью, а может, просто от смеха.

Эта картина называлась «В общественных местах шутить

запрещается».

– Прямо какой-то постмодерн, – заметил я Шестому дядюшке.

Тот замахал рукой:

– Всех этих словечек я не понимаю, просто рисую как подсказывает сердце.

– Так это и есть уровень мастера.

– Да я не то хотел сказать, не то, – замотал головой Шестой дядюшка.

В тот день тетка стояла рядом с нами. В молодости она тоже выступала в театральной труппе, у нее было амплуа женщины-воина. После роспуска труппы она устроилась на кондитерскую фабрику заворачивать конфеты.

– Раз уж тянет рисовать, почему бы не рисовать что-то дельное? – встряла она.

– Что значит дельное? – спросил Шестой дядюшка.

– Ну, скажем, что-то благопожелательное типа цветущих пионов⁴ или сороки на веточке сливы⁵, или феникса, глядящего на солнце⁶, или тех же духов-хранителей ворот⁷, тогда все это добро, как и новогодние надписи, можно было бы сбывать на ярмарке.

⁴ Символ богатства и процветания

⁵ Символ радости и трудолюбия

⁶ Символ талантливого человека, купающегося в лучах славы

⁷ Напоминающие воинов божества, которые охраняют дом от вхождения в него нечистой силы

Сделав паузу, она добавила:

– Ведь сколько денег уходит на все эти письменные причиндалы, да на краски всякие.

Шестой дядюшка перечить не стал, я тоже воздержался от объяснений. Да и вряд ли тут что-то объяснишь. Как-то раз снова навестив дядюшку на Праздник начала лета, я заметил картину с танцующей над Хуанхэ девой, она словно фея возносилась ввысь, точь-в-точь улетающая на Луну красавица Чаньэ.

– Кто это? – спросил я.

Тетки в ту минуту рядом не было, и Шестой дядюшка ответил:

– Это душа.

– Чья?

Понизив голос, дядюшка пояснил:

– Раньше она тоже играла в труппе, можно сказать, была моей тихой гаванью в океане мирской суеты. Потом она вышла замуж за другого, а чуть позже повесилась из-за пучка лука. Несколько дней назад я увидел ее во сне, такой же вот танцующей над рекой.

Сделав паузу, он добавил:

– Взмывала все выше и выше. Только тетке не говори, – тихонько сказал он.

Как-то на Праздник середины осени я увидел на одной из его картин мужчину, который садился на поезд, прямо в его животе была нарисована женщина. Указывая на эту женщи-

ну, я поинтересовался, кто это? Шестой дядюшка ответил, что это тоже душа умершей.

– А почему она оказалась в животе? – спросил я.

– Она переместилась туда, чтобы добраться до родственников, живущих в дальних краях.

В другой раз, на Праздник чистого света, я увидел среди картин Шестого дядюшки преисподнюю. Заполнявшим ее грешникам приходилось несладко: кому-то отрезали нос, кому-то выковыривали глаза, кого-то распиливали пополам, кого-то поджаривали на огне, кого-то забрасывали на гору, утыканную ножами. Даже через картину я слышал душераздирающие вопли, однако изображенный на картине Владыка ада смеялся.

– Тут такая кровавая сцена, почему он смеется? – спросил я.

– Ему один из грешников перед смертью анекдот рассказал. И Владыка ада тут же поинтересовался, мол, ты, случаем, не яныцзинец?

Тут уж и я, покачав головой, рассмеялся. А Шестой дядюшка добавил:

– Как ни крути, Яныцзинь славится своими шутниками.

На другой картине я заметил женщину, похожую на буддийскую монахиню. Бормоча что-то под нос, она прищипливала к доске бумажных человечков. Эта картина именовалась «Ни вражды, ни ненависти».

– Раз нет ни вражды, ни ненависти, зачем тогда их при-

шпиливать?

– Работа такая, – объяснил Шестой дядюшка.

– Понял, – сказал я, и спина моя покрылась холодным потом.

Шестой дядюшка также рисовал и реальных жителей, к примеру, Большеротого У, что у северных ворот торговал бараньей похлебкой, Лао Чжу, что у западных ворот замачивал в рассоле свиные лытки, слепого Лао Дуна, что на улице Дунцзе предсказывал судьбу, а еще дворника Го Баочэня, что подметал центр города и т. д. Все они выглядели очень правдиво и были выполнены в технике контурного рисунка. Показывая на Большеротого У, Шестой дядюшка прокомментировал:

– Во всем Яньцзине только он хорошо готовил баранью похлебку, жаль, что справил сорок лет и помер.

Сделав паузу, он добавил:

– Разжирел на своих харчах. Всегда сохранял серьезность, все горести копил в себе, вот они его и раздавили.

Он показал на гадателя Лао Дуна.

– А этот Лао Дун всю жизнь нес всякую чушь. Когда зрячий заходит в тупик, без слепца не обойтись.

Помолчав, он добавил:

– Тупиковые ситуации только нелепица и решает.

Он показал на Го Баочэня.

Старина Го в этой жизни метет улицы. По словам Лао Дуна, в прошлой жизни он занимал пост премьер-министра и

косил людей как коноплю, теперь пришла пора пройтись по себе.

Помолчав, он добавил:

– У него мозги что кисель, зато сын уехал учиться в Англию, это называется минус на минус дает плюс.

Еще у Шестого дядюшки было большое полотнище в два квадратных метра, тоже контурный рисунок с изображением всех участников прежней театральной труппы, причем каждый из них имел свое выражение лица. Шестой дядюшка принялся рассказывать кто есть кто:

– Это – Чэнь Чжанцзе. Когда распустили труппу, его жена выпила ядохимикат и померла, он после этого перебрался в Ухань и устроился кочегаром в паровозном депо. Это – Сунь Сяобао, у него было амплуа комика, потом он уехал в Дацин, устроился бурильщиком на Дацинских нефтепромыслах⁸.

Потом он показал на малыша лет пяти.

– А это – сынишка Чэнь Чжанцзе, Минлян. Пока был маленьким, целыми днями крутился за сценой, а когда вырос, то по одной неудобной причине переехал в Сиань.

Затем, показав на одну красавицу, дядюшка тихонько сказал:

– А это та самая, что парит над Хуанхэ.

Я сразу понял, что Шестой дядюшка намекает на свою

⁸ Имеется в виду одно из самых больших месторождений нефти на территории КНР

задушевную подругу. Я приблизился рассмотреть повнимательнее и похвалил:

– И правда красавица.

– Лучше не берeditь душу, – откликнулся он и добавил, – из тех, что на этой картине, семерых-восьмерых уже нет. Пока рисовал, обнаружилось, что многих уже позабыл, поэтому они тут и не появились.

Посетив дядюшку на Праздник весны, я заметил у него картину с бегущим вдоль рельсов мальчиком, в небе над ним парил воздушный змей, позади него шел старый бык.

– Почему этот мальчик бежит вдоль рельсов? – спросил я.

– Сел не на тот поезд.

Картина так и называлась «Ошибся направлением».

– Мальчуган ротозей еще тот, – заметил я.

– А редко ли мы в своей жизни движемся не туда? – откликнулся Шестой дядюшка.

Я согласно кивнул. Еще Шестой дядюшка создал длинный десятиметровый свиток наподобие сунской картины-панорамы «По реке в Праздник чистого света»; он тоже был выполнен в технике тонкого контурного рисунка, только изображал ярмарку у яньцзиньской переправы, правда люди на картине также были одеты по моде сунской эпохи; бурлящие волны Хуанхэ вздымались ввысь; под прибрежными ивами кто-то играл на флейте, кто-то – на трехструнке; стоявший на носу лодки рыбак держал в руках сеть, в которую вместо карпов, амуров, карасей или толстолобиков, попалась русал-

ка; по пристани у переправы туда-сюда сновал народ с тележками, с коромыслами, со скотом; над дверью изображенного под мостом кабачка висела дощечка с простенькой надписью «Один день что три осени». Показывая на вывеску, я заметил:

– Дядюшка, на заведения такие надписи не вешают, здесь подойдет что-то типа «Пусть дела процветают» или «Пусть источник богатства не пересыхает».

Шестой дядюшка в ответ лишь засмеялся:

– Я в тот день малость перебрал, поэтому места для надписи практически не оставил. Такие цветистые фразы у меня все равно бы не поместились, вот я и написал «Один день что три осени», тут иероглифы попроще.

Кроме всего прочего, Шестой дядюшка искусно изображал животных: собак, кошек, лис, хорьков, причем у каждого было особое настроение; среди них была одна обезьянка, которая, прислонившись к иве, дремала, сложив лапки на животе, ее шею обвивал железный обруч, на котором крепилась привязанная к дереву цепь, конец этой цепи свисал ей на грудь. Ее голову и тело сплошь покрывали еще свежие рубцы.

– Судя по толстым мозолям на ее попе и подошвах, обезьяна, боюсь, уже не молода? – поинтересовался я.

– Это мой автопортрет, – ответил Шестой дядюшка.

– За что побили-то? – спросил я, показывая на обезьяньи раны.

– Утратила ловкость, устала выполнять трюки, дрессировщик не сдержался, вот ей и досталось.

В позапрошлом году, приехав на Праздник середины осени, я узнал, что жена дядюшки впала в депрессию. Заглянув к нему посмотреть на картины, я убедился, что так оно и есть. Но если у других депрессия сопровождается молчанием, то у тетушки она вылилась в непрерывный поток жалоб, она старалась рассказать обо всех выпавших на ее долю напастях, и за все эти напасти был в ответе Шестой дядюшка. Шестой дядюшка, понутив голову, лишь молча показывал мне свои картины. Но разве в такой ситуации мне было до картин? Посмотрев вскользь штуки две-три, я сослался на то, что у нас в обед собираются гости и откланялся.

В прошлом году, приехав на Праздник весны, я узнал, что Шестой дядюшка умер, у него случился инфаркт. С момента его смерти уже прошло больше месяца. Я пошел к нему домой разузнать как там да что, теперь Шестой дядюшка превратился в фотографию на стене. Я завел разговор о нем с теткой, та рассказала, что утром того дня Шестой дядюшка ел себе спокойно острую похлебку, и тут голова его свесилась, и он испустил дух. Потом она стала описывать, как Шестого дядюшку повезли в реанимацию, откачать его не удалось, так что перед смертью он ей ничего сказать не успел. Потом последовал пересказ как она оповещала всех родственников и друзей, как устраивала дядюшкины похороны и т. д. и т. п.; учитывая темп и бойкость тетушкиной

речи, которая походила на заученные реплики в театре, я понял, что эти слова она повторяла несметное количество раз. Спыхватившись, я ее перебил:

– А что случилось с дядюшкиными картинами?

– В тот же день как он умер сожгла вместо жертвенных денег.

Я застыл на месте.

– Такие хорошие картины, как можно было их сжечь?

– Это же барахло, рисовал черт знает что, кроме него самого, никому они и не нравились.

– А вот мне нравились.

Тетка всплеснула руками:

– Про тебя забыла, если бы вспомнила, то сохранила бы.

Помолчав, она добавила:

– Мертвого не воскресишь, бумага стала пеплом, так что картин не воротишь, так уж получилось.

Так уж получилось. И неизвестно теперь, где витает зола от картин Шестого дядюшки. Той же ночью Шестой дядюшка явился ко мне во сне: яныцзиньская переправа, снег валит стеной, а на берегу стоит дядюшка в белом саване и, извинаясь всем телом, поет какую-то арию. Потом застилавшие небо снежинки преобразились в несметную россыпь его картин, он протянул в моем направлении руку и заголосил: «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?». Проснувшись, больше я уже глаз не сомкнул. Спустя месяц я принял решение взять и заново собрать все сгоревшие дотла карти-

ны Шестого дядюшки. Рисовать я не умею, зато могу соединить разные сюжеты картин в одном романе. Другими словами, раз уже нельзя увидеть картины Шестого дядюшки, остается лишь написать роман в память о наших с ним отношениях, а также в память о запечатленном на его картинах Яныцзине.

Но когда дело уже дошло до написания романа, это оказалось не так-то просто. Все эти картины представляли собой разрозненные эпизоды из жизни, между тем как персонажи и события романа необходимо было увязать между собой. Помимо этого, некоторые из картин Шестого дядюшки относились к постмодерну, соответственно изображенные на них люди и среда были искажены или преувеличены, в них читались переходы из нашего мира в потусторонний, их населяли добрые и злые духи; другие его работы напротив выглядели очень правдоподобно, на них отображались бытовые сцены, обычные люди и текущая рутина повседневной жизни; причем техники, в которых писались эти два вида картин, заметно отличались; применительно к картинам, которые рисуются каждая отдельно, это допустимо, но в пределах одного романа изобразительные приемы и стиль письма должны быть едиными. Написав две главы, я уже думал бросить это дело, но потом рассудил так: пусть я всего лишь писака, которому и курицу-то связать не по силам, однако своей писаниной я помогаю людям развеять тоску, к тому же в душе я всегда одобрял увлечение Шестого дядюшки. На-

до использовать свое какое-никакое мастерство, чтобы оживить позабытые чувства и мечты моего друга, нельзя бросать слов на ветер и останавливаться на полпути, поэтому с горем пополам я продолжил писать дальше.

Пока я писал, то изо всех сил старался согласовать между собой все, что проявлялось в картинах дядюшки, от постмодернизма, всякого рода искажений, преувеличений и переходов из одного мира в другой с их добрыми и злыми духами до реалий повседневной жизни; при этом реалии повседневной жизни стали основой повествования, а все эти искажения, преувеличения и переходы из одного мира в другой с их добрыми и злыми духами послужили своего рода яркими лоскутами или острой приправой; в большинстве глав описывается самая будничная реальность, но есть главы, в которых присутствует и некоторая чертовщина, свойственная постмодернизму, все это сугубо смеха ради, хочу, чтобы читатель не воспринимал это серьезно; главных героев для романа я отобрал с того самого полотнища в два квадратных метра, на котором в технике контурного рисунка изображались все участники яныцинской труппы, именно они сопровождают все повествование от начала и до конца; разумеется, среди главных героинь не обошлось и без задушевной подруги Шестого дядюшки; в общем я старался устроить так, чтобы все эти персонажи стали еще ближе к Шестому дядюшке. Среди них главным героем стал человек, которому пришлось покинуть Яныцин, но ведь только тот, кто

покинул Яныцзинь, способен его понять как никто другой; а вот на картинах Шестого дядюшки везде изображен Яныцзинь; в этом смысле мой роман от картин отличается; прошу Шестого дядюшку не осуждать меня за то, что здесь я малость выскочил за рамки. Расширив границы, мы тем самым дали простор для развития сюжета. Поскольку прах от картин дядюшки исчез без следа, то все они превратились лишь в память о прошлом, в память об оставшихся в памяти картинах, поэтому, восстанавливая их сюжеты, погрешностей все равно не избежать, полностью вернуться в мир дядюшкиных художеств вряд ли удастся; поэтому если при изображении тигра у меня получилось некое подобие собаки, то также прошу Шестого дядюшку меня не осуждать. Короче говоря, в этом романе есть места, где я остаюсь верным Шестому дядюшке, а есть места, где я ему изменяю, но когда я только начинал писать роман, то и думать не думал, что получится именно так. Однако все это вышло от чистого сердца и отразило правду. Шестой дядюшка говорил, что Яныцзинь славится своими шутниками, так что считайте, что этот роман тоже шутка.

Благодарю каждого из друзей, кто прочитал эту книжку. Заодно выражаю вам всем благодарность и от имени Шестого дядюшки.

Часть 1

Хуа Эрнян

Хуа Эрнян это девица, которая обожала смешные истории. Когда ее спрашивали, откуда она пришла, Хуа Эрнян отвечала, с горы Ванланшань. Когда ее спрашивали, зачем она пришла, Хуа Эрнян отвечала, за шутками. Когда ее спрашивали, почему ее брови покрыты инеем, Хуа Эрнян отвечала, потому что в горах лежит снег. На ее локотке висела корзинка, доверху наполненная красной, похожей на фонарики хурмой.

Хуа Эрнян отправлялась за шутками не днем, а по ночам. Сама Хуа Эрнян была не из Яньцзиня. Она пришла в Яньцзинь издалека, преодолев все тягости пути, и прибыла она на переправу, чтобы дождаться одного человека. Этого человека звали Хуа Эрлан. Она ждала его уже больше трех тысяч лет, но Хуа Эрлан так и не приходил. Хуа Эрнян каждому объясняла, что договорилась с ним о встрече. Она знать не знала, нарушил ли Хуа Эрлан их договор, изменив ей, или же за три тысячи лет непрерывных войн и бедствий просто сгинул в пути. Устав стоять у переправы, она садилась у реки мыть ноги, и пока их мыла, приговаривала: «Ай да водица, только тебе и можно доверять, сказала придешь, и каждый день приходишь в назначенный час». Водица ей отвечала:

«Эрнян, ты встречалась вчера не со мной, я появилась здесь лишь сегодня». Хуа Эрнян вздыхала: «Хорошо хоть река все та же, иначе мне бы некуда было идти». А водица ей отвечала: «Эрнян, раз вода не та, то и река изменилась». Завидев в небе вереницу диких гусей, Хуа Эрнян восклицала: «Ай да гуси, только вы и точны, в прошлом году улетали, а в этом вернулись в назначенный час». Гуси ей отвечали: «Эрнян, мы не те же самые гуси, прошлогодние гуси почили в южных краях». Прождав примерно до тех пор, когда на престол взошел сунский император Хуэйцзун⁹, успев повидать нескольких журавлей-небожителей и нескольких золотых фазанов, Хуа Эрнян поняла, что все ее ожидание превратилось в анекдот, поэтому в ту же ночь неожиданно превратилась в гору, эту гору и называли Ванланшань, что означало «Гора, ждущая жениха».

Это потом уже все поняли, что Хуа Эрнян – вовсе не девушка, а камень, который потом превратился в гору. Но у камня по идее должно быть и каменное сердце, кто же знал, что Хуа Эрнян податлива, словно вода. Эта податливость и сгубила Хуа Эрнян. С сунской поры до наших дней прошла еще тысяча лет. Благодаря тому, что три с лишним тысячи лет Хуа Эрнян скучала по любимому и не роптала, она стала бессмертной, и не просто бессмертной, а вечно молодой. Спустя три с лишним тысячелетия она по сей день остается такой же прелестной как в свои восемнадцать лет.

⁹ Хуэйцзун (1082–1135), восьмой император династии Сун

Некоторые поговаривают, что Хуа Эрнян не дождавшись любимого, умерла от слез, а когда воскресла, то возненавидела слезы так сильно, что стала являться людям во снах, чтобы послушать смешные истории.

Но не всем в этом мире дано шутить. Если Хуа Эрнян приходила к вам за смешной историей, а вы ее разочаровывали, не в силах рассмешить, то она вместо того, чтобы сердиться, просила посадить ее на спину и отнеси отведать чашечку острой похлебки. Но кому же под силу взвалить на себя гору? Стоило вам посадить себе на спину Хуа Эрнян, как та раздавливала вас насмерть. Другими словами, вы помирали из-за шутки. Если же вам удавалось рассмешить Хуа Эрнян, тогда она угощала вас хурмой из своей корзинки.

Как-то раз ей попался один соблазнитель, который оказался еще и мастером рассказывать анекдоты, он так сильно насмешил Хуа Эрнян, что та хохотала от всей души. Ну, посмеялись они, поели хурмы и, казалось бы, надо уже и прощаться, но тут зардевшаяся от смеха Хуа Эрнян стала еще краше и окончательно пленила шутника; этот повеса, поскольку все это происходило во сне, осмелел и принялся соблазнять Хуа Эрнян на непотребные делишки. Сотворить такое с камнем уже само по себе было анекдотом, Хуа Эрнян засмеялась, но смех смехом, а согласилась. Они освободились от одежд и едва придались утехам, как бедолага, не пережив нечеловеческого удовольствия, взял и откинулся. На следующее утро домашние нашли его совершенно голым, лежащим ничком

на кровати и уже бездыханным; когда убрали тело, на простыне обнаружилось мокрое пятно; в больнице диагностировали, что никакого отношения к смерти сей инцидент не имеет, обычный инфаркт миокарда. Разумеется, это вовсе не означает, что у всех яньцзиньцев, у которых случился инфаркт, была связь с Хуа Эрнян. Некоторые инфаркты были инфарктами в чистом виде.

Другой сорвиголова, удачно рассказав шутку, насмешившую Хуа Эрнян, возьми и поинтересуйся: «Эрнян, вот вы всегда просите рассказать смешную историю, а могли бы вы сами рассказать что-то смешное?» Эрнян, которая, едва успокоившись от смеха, пребывала в благодушном настроении, ответила: «Могу, – и принялась рассказывать, – Недавно я переименовала свое пристанище. Еще с сунских времен оно называлось „Гора, ждущая жениха“, пора бы и поменять название». Тогда собеседник спросил: «И как вы его поменяли?» «Очень просто: „ждущая“ поменяла на „забывшая“. Я как истукан прождала его больше трех тысячелетий, пора бы и забыть этого ублюдка». «Тут вы, Хуа Эрнян, не правы, – ответил собеседник, – тот, кто постоянно твердит, что кого-то забыл, на самом деле хранит его в своем сердце». Но Хуа Эрнян в ответ лишь спросила: «Смешно?». Собеседник посмеялся. Потом Хуа Эрнян уже сама приставала со своей историей: «Ты меня рассмешил, а хочешь и я тебя рассмешу?» Все уже знали, что она будет рассказывать историю про «ждущую» и «забывшую», а потому вежливо отне-

кивались, мол, не смеем, Эрнян, вас утомлять.

Были и такие шутники, которые, долго не разглагольствуя, умели насмешить Хуа Эрнян всего лишь одной фразой. В таких случаях Хуа Эрнян, тая от восторга, выносила вердикт: «Талант», – и презентовала счастливицу целых две хурмы, а также на три года освобождала от шуток все его семейство. Но за три с лишним тысячи лет таких талантов нашлось не много.

Некоторые интересовались: «Хуа Эрнян, мир так огромен, к чему все время торчать в Яньцзине, хорошо бы куда-нибудь прогуляться».

Хуа Эрнян на это отвечала: «Запоздалый совет. Мир-то огромен, и я бы с удовольствием прогулялась, но покинуть Яньцзинь я могла лишь до тех пор, пока не превратилась в гору. А сейчас, уже став горой, как бы я не называлась, «ждущая» или «забывшая», меня уже не сдвинуть и не передвинуть, вот и приходится торчать в Яньцзине; я не то что бы не хочу покинуть Яньцзинь, у меня просто нет иного выхода; теперь я могу лишь стоять, ожидая или забывая весь мир.

Из-за опасности для жизни большинство яньцзиньцев, достигнув совершеннолетия, всегда держали про запас несколько шуток и перед сном несколько раз повторяли их про себя, чтобы быть во всеоружии. В этом кроются истоки яньцзиньского юмора. Если яньцзиньцы и ночью-то юморят, то что же тогда вытворяют днем? Однако есть среди них и совершенно бесшабашные, которые заранее шуток не за-

готовавливают. Они рассуждают так, мол, в Яньцзине больше полумиллиона человек, когда еще очередь до меня докатится? Большая численность населения приводит народ к беспечности, вот поэтому, когда Хуа Эрнян все-таки навещает такого человека, тот тут же расстаётся с жизнью. А кто его просил быть беспечным?

Но нельзя сказать, что яньцзиньцы живут в постоянном напряжении. На Новый год и другие праздники Хуа Эрнян всем устраивает передышку. На Праздник начала лета, Праздник середины осени, Праздник весны и т. д. яньцзиньцам разрешается не рассказывать смешные истории. По праздникам яньцзиньцы весьма серьезны и по улицам ходят с каменными лицами; при встрече друг с другом они лишь обмениваются холодными взглядами, но это отнюдь не означает отсутствия дружелюбия, напротив, в этом проявляется сердечность; вот поэтому холодность здесь воспринимают как сердечность, а серьезность – как беззаботность.

Не далее, как прошлой зимой автор этих строк вернулся в родные края навестить родственников и во сне к нему тоже явилась Хуа Эрнян, пристав со своей просьбой рассказать ей что-нибудь смешное. Поскольку подготовиться я совершенно не успел, то несколько растерялся. Второпях я взял и ляпнул: «Те, кто уезжает из Яньцзиня, частенько принимают шутки за правду. Такое зачтется за шутку?» «Приведи пример», – потребовала Хуа Эрнян. «Если кто-нибудь скажет, что в реке плавает луна, непременно найдется человек, ко-

торый захочет ее выловить...» «Это анекдот с бородой», – перебила Хуа Эрнян, – ведь он про «мартышку, вылавливающую луну». Тут же она сделала непроницаемое лицо и пригрозила: «Не смей меня дурачить, будешь дурачить, сам в дураках и останешься...». Я поспешил оправдаться: «Анекдот-то хоть и с бородой, однако, все-таки нашелся охотник выловить луну. Ну, разве не смешно?». На сей раз Хуа Эрнян засмеялась, так что я уцелел. Спасибо, что за пределами Яныцзиня находятся такие, кто шутки принимает за правду, они-то меня и спасли. Тогда же Хуа Эрнян спросила, хочу ли я услышать ее шутку? Поскольку я уже был наслышан, что Хуа Эрнян рассказывает историю про «ждушую» и «забывшую», которая уже тоже обросла бородой, то вежливо уклонился, мол, не смею утомлять. Единственное, чего я не понял, это почему других, кто удачно проходил испытание, Хуа Эрнян хурмой угощала, а меня – не угостила; видимо, моя шутка прошла с большой натяжкой, и то, что она меня не придавила, можно было считать за удачу; от этих мыслей меня прошиб ледяной пот. Вот уж и правда:

В тумане сна проступает Хуа Эрнян силуэт.

*Все так же вкушает похлебку, когда наступает
рассвет.*

*Один день что три осени длится, и конца ее мукам нет.
Промокло уж платье от слез, пока свой забывает обет.*

Часть 2

Интао

1

Чэнь Чжанцзе прислал из Уханя письмо, в котором сообщил, что намерен снова жениться, поэтому приглашает Ли Яньшэна на свою свадьбу в Ухань: «Постарайся к восьмому июля быть как штык», «остальное расскажу при встрече, это крайне важно».

Десять лет назад Ли Яньшэн и Чэнь Чжанцзе играли в яньцзиньской труппе «Ветер и гром», исполнявшей хэнаньскую оперу. Образцовой постановкой этой труппы была «Легенда о Белой змейке», в которой Ли Яньшэн выступал в роли Сюй Сяня, Чэнь Чжанцзе – в роли Фахая, а Интао – в роли Белой змейки, иначе называемой девицей Бай. Помнится, своим успехом эта опера целиком и полностью была обязана задумке Чэнь Чжанцзе, который объяснил, что в основе «Легенды о Белой змейке» лежит пагубность, к которой ведут плотские утехы. Эта мысль потянула за собой и другие в том же роде. «Вот представь, – рассуждал Чэнь Чжанцзе, – некая змея тысячи лет провела в практиках совершенствования и наконец обрела бессмертие, а ведь каждый из людей

тоже после смерти мечтает обрести бессмертие, во время похорон даже на траурных павильонах пишут: „Желаем быстрее взойти в царство бессмертных“. А эта змея, мало того, что обрела бессмертие, так еще и пожаловала в мир людей в облике девушки, чтобы придаваться плотским радостям, мало ей царствия небесного, так еще и земное подавай, это называется дай палец – всю руку откусит; и главное – все-то заранее обдумала, кого именно охмурить. Бедняки отпали, портовые грузчики на роль любовника, видите ли, не подходят; богачей тоже отсеяла, у тех полон дом наложниц, кто будет церемониться с очередной шлюхой? Поэтому она присмотрела себе изнеженного книжника Сюй Сяня; во-первых, он начитан, а во-вторых, приятен лицом; днем трудится подмастерьем в традиционной аптечной лавке, а по ночам один одинешенек томится в свете лучины, и вдруг к нему сваливается красотка, да тут пожару разгореться дважды два! Те, что читают книжки, в любовных премудростях разбираются; эта змея попала точно в яблочко; а что Фахай? Фахай это монах, ему путь к каким бы то ни было женщинам отрезан, другими словами, он, вроде, как и мужик, но не до конца; и тут он узнает, что в мир людей заявила озорничать одна змеюка, как ему от зависти не лопнуть? Вот он эту красотку и вернул в первоначальную форму, а потом еще и придавил пагодой, так сказать, сам не ам и другим не дам; ну как, верно я понимаю? Такой тут замысел?» Ли Яньшэну доводы Чэнь Чжанцзе показались убедительными, Интао тоже. По-

этому эти трое и положили сию концепцию в основу сюжета. Каждый их выход на сцену вызывал у зрителей искренний отклик, в каждую свою реплику они вкладывали всю душу, и при всем при этом их игра была полна тонких намеков. Таким образом их изначально похотливая задумка вуа-лировалась под любовную трагедию вселенского масштаба. Увы, глубочайшую любовь между человеком и змеей можно встретить лишь в театре, часто ли такое встретишь у людей? Стоя на сцене, Фахай, обращаясь к Сюй Сяню, выводил:

*Ты полюбил ее за красоту подобную цветку,
Но кто же знал, что ядовитая змея под той красотой
таится*

...

Сюй Сянь ему парировал:

*Когда в нее влюбился я, не знал, что то – змея,
Не верю до сих пор, вы сердце мне будто ножом пронзили*

...

Тут, обращаясь к Фахаю, вступала девица Бай:

*Нет у меня с тобой вражды ни близкой, ни далекой,
За что же ты нам навредил и счастье все разрушил?*

...

Фахай на это отвечал:

*Я погубил тебя не по причине личных счетов,
А для того, чтоб навести порядок в трех мирах,
А также чтобы разделить всех оборотней и людей.*

...

Наконец, все трое, раскинув руки, хором заканчивали:

*Что поделать? Что поделать?
Как быть? Как быть?*

...

«Легенда о Белой змейке» стала коронной пьесой труппы «Ветер и гром». Благодаря ее успеху, эти трое актеров стали местными знаменитостями. Однако в этом же спектакле зародились и корни зла, попадая в неприятности, актеры и в обычной жизни привычно повторяли: «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?».

Интао играла в этой пьесе супругу Ли Яньшэна, то есть главного героя, Сюй Сяня; в реальности Интао вышла потом замуж за Чэнь Чжанцзе, который исполнял роль монаха Фахая. У Интао была тончайшая, как у змеи, талия, идеальный овал лица и миндалевидные глаза, прежде чем что-то сказать, она не забывала бросить на вас кокетливый взгляд. Ли Яньшэн, который много времени проводил с Интао, да еще и тесно общался с ней на сцене, тоже имел на нее виды, однако он замечал, как за кулисами Чэнь Чжанцзе

постоянно помогает Интао настроиться на роль; помимо такой настройки, он также норовил чем-то ее насмешить; сперва выдаст одну шуточку – Интао знай себе заливается колокольчиком, потом выдаст другую – Интао заливается пуще прежнего; ну, Ли Яншэн и понял, что Интао обречена выйти замуж за Чэнь Чжанцзе: ведь коли тот мог завести шестеренки всего спектакля, то чего ему стоило завести женщину? Сам Ли Яньшэн потом женился на Ху Сяофэн – оберточнице конфет с кондитерской фабрики. Пышногрудая, с огромными глазами, в свободное работы время она любила смотреть спектакли, ей нравился Сюй Сянь, этот изнеженный красавец-книжник, которого играл Ли Яньшэн. Как-то вечером, после спектакля, когда Ли Яньшэн снял грим и вышел из театра через черный ход, там его уже поджидала Ху Сяофэн; завидев его, она вынула из кармашка горсть конфет и протянула ему.

– Отведай конфеток, – предложила она и тут же добавила, – эти конфеты не простые.

– Что значит не простые?

– Разгляди поближе.

Ли Яньшэн пригляделся, оказалось, что на обертке каждой из конфет краснело специально нарисованное сердечко.

– Вот он плюс от моей работы на кондитерской фабрике, – сказала Ху Сяофэн.

– Я твой намек понял, – откликнулся Ли Яньшэн, – но только у меня зубы гнилые, я сладкого не ем.

– А что ты сейчас собираешься делать?

– Я целый вечер пел, устал, хочу просто пойти домой и лечь спать.

– Пел целый вечер и не проголодался? Спать голодным вредно для желудка, – не отставала Ху Сяофэн, – Лао Ху, что торгует на перекрестке острой похлебкой, еще не закрылся, пойдем угостимся остреньким.

– У меня в горле все пересохло, не рискну сейчас есть острое.

– Харчевня Большеротого У, что у северных ворот, тоже еще открыта, пойдем туда, отведаем бараньей похлебки, от нее точно ничего не будет.

Так, от случая к случаю они месяц с лишним угощались бараньей похлебкой. Всякий раз Ху Сяофэн наряжалась во что-нибудь новое. Как-то вечером за очередными посиделками она завела такой разговор:

– Яньшэн, если я спрошу, как есть, ты не будешь меня осуждать?

– Дарую тебе невиновность, – ответил Ли Яньшэн репликой из спектакля.

– С кем бы тебе хотелось иметь романтические отношения: с девушкой или со змеей?

Ли Яньшэн приподнял лицо от исходящей паром похлебки и сказал:

– Это же спектакль. Кто в обычной жизни пойдет встречаться со змеей под городской стеной у западных ворот, раз-

ве что идиот? Романы, понятное дело, заводят с людьми.

Тогда Ху Сяофэн отложила ложку.

– Ну раз так, чем я не вариант?

– С чего вдруг?

– Я лучше, чем девица Бай.

– И чем ты лучше?

– У девицы Бай нет груди, а у меня есть.

Ли Яньшэн задумался: Интао обворожительна, спору нет, но плоскогрудая, Ху Сяофэн не такая изящная, зато пышногрудая. Глянув перед собой и упершись в два объемных шара, от которых едва не лопалась застежка на блузке, Ли Яньшэн приснул со смеху.

Первые года два Ху Сяофэн просила Ли Яньшэн гримироваться по ночам под Сюй Сяня. Ли Яньшэн спрашивал:

– Ты кого любишь, меня или Сюй Сяня?

Ху Сяофэн, елозя по нему своими телесами, отвечала:

– Когда ты в таком облике, я чувствую себя девицей Бай.

Оказывается, ей хотелось превратиться в гибкую змейку.

Потом, когда все обзавелись телевизорами, народ перестал ходить в театр, и труппа «Ветер и гром» распалась. Больше ста ее участников, подобно крысам с тонущего корабля, разбежались кто куда и стали зарабатывать кто чем. Ли Яньшэн, Чэнь Чжанцзе и Интао устроились на яньцзиньский механический завод. Директора завода звали Ху Чжанькуй, ему нравилась опера и конкретно спектакль «Легенда о Белой змейке», поэтому он и приютил у себя трех

ее главных исполнителей. Ли Яньшэн стал литейщиком, Чэнь Чжанцзе – жестянщиком, а Интао пристроили в столовую готовить пампушки. На праздники или во время визитов на завод гостей, Ху Чжанькуй просил их исполнить «Легенду о белой змейке». Оркестра при них не было, поэтому петь приходилось без аккомпанемента. В отсутствии массовки они не могли играть весь спектакль, поэтому ограничивались лишь отрывком. Частенько они пели тот самый отрывок, который кончался словами «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?». И пока эти трое выводили на сцене свое «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?», смотревший на них Ху Чжанькуй поглаживал свою лысину и хохотал во весь рот. Потом завод обанкротился и эти трое уже окончательно распрощались с Сюй Сянем, Фахаем и Белой змейкой, разойдясь каждый своей дорогой. Чэнь Чжанцзе и Интао отправились на местную хлопкопрядильную фабрику, где Чэнь Чжанцзе стал работать механиком, а Интао – оператором на прядильных машинах. Ли Яньшэн устроился в бакалейную лавку на улице Дунцзе, где торговал соевым соусом, уксусом и засоленными овощами. Слева от его прилавка находился прилавок с сычуаньским перцем, бадьяном и соленым доуфу. Торговавшая всем этим добром Сяо Бай, будучи женой военного, позже вслед за мужем отправилась в провинцию Ганьсу, так что перец, бадьян и соленый доуфу также перешли в распоряжение Ли Яньшэна.

Поскольку Ли Яньшэн и Чэнь Чжанцзе стали работать в

разных местах, то и виделись они теперь не каждый день. Иногда, случайно встретившись на улице, они останавливались и перекидывались парой фраз либо договаривались сходиться к западным воротам в ресторанчик «Маршал Тяньпэн»¹⁰ отведать свиных лыток. Раньше, когда они вместе играли в труппе или работали на заводе, то часто захаживали туда полакомиться этим блюдом. Но раньше-то они виделись каждый день, что там было договариваться; теперь же, работая в разных местах, для того чтобы поесть свиных лыток, приходилось договариваться специально. Сперва они встречались раз в неделю, потом раз в месяц, потом их затянул семейный быт, всякого рода повседневные проблемы, дел становилось все больше и желание встречаться друг с другом остыло. Соскучившись за свиными лытками, они уже навещивались в «Маршал Тяньпэн» в одиночку, где заказывали блюдо на вынос и отправлялись с ним домой. Когда первенцу Чэнь Чжанцзе исполнилось сто дней, оба семейства от мала до велика собрались отпраздновать это событие вместе. Чэнь Чжанцзе и Интао выбрали для сына имя – Ханьлинь¹¹. Ли Яньшэн их намек понял, дело в том, что в «Легенде о Белой змейке» сына девицы Бай тоже звали Ханьлинем, впоследствии он стал победителем на столичных экзаменах. Так что,

¹⁰ Один из небесных маршалов, который позже был изгнан на землю Нефритовым императором в облике уродливого мужчины со свиной головой, также известен как Чжу Бацзе – герой романа У Чэньэня «Путешествие на Запад» (16 в.).

¹¹ Литературная элита

выбрав своему ребенку такое имя, родители надеялись, что тот станет таким же перспективным. Чэнь Чжанцзе, показывая на Интао, сказал, что это она подобрала такое имя. Ли Яньшэн и Ху Сяофэн тут же отреагировали: «Отличный, отличный выбор, гляньте какой у малыша выпуклый лоб, блестящее будущее ему обеспечено!» После того застолья мужчины виделись лишь от случая к случаю. А когда долго с кем-то не видишься, то и новости друг о друге получаешь от третьих лиц. Так, от третьих лиц Ли Яньшэн сперва узнал, что сыну Чэнь Чжанцзе и Интао исполнился годик; потом от тех же третьих лиц он узнал, что когда Ханьлинь научился говорить, то стал твердить, что перед глазами у него темно, поэтому бабушка дала ему другое имя – Минлян, что означало «свет»; в один миг пролетело два года, и Ли Яньшэн еще от кого-то узнал, что отношения между Чэнь Чжанцзе и Интао совсем испортились, что ни дня у них не проходит без сор. Потом Ли Яньшэн и Чэнь Чжанцзе случайно столкнулись на улице. Долгое время не общаясь по душам, они утратили эту способность, поэтому им было как-то неловко лезть в личные дела друг друга. И вот однажды Ли Яньшэн вдруг узнал, что Интао повесилась. И кто бы мог подумать из-за чего? Из-за пучка лука. Из-за обычного лука у Интао и Чэнь Чжанцзе разгорелась ссора, Чэнь Чжанцзе выпалил в сердцах «чтоб ты сдохла» и вышел за порог. Он и подумать не мог, что Интао возьмет и повесится. Во время похорон Ли Яньшэн пришел выразить ему свое соболезнование. В Яньцзине су-

шествует обычай: те, кто носит траур, должны держаться на полголовы ниже окружающих, поэтому, увидав Ли Яньшэна, Чэнь Чжанцзе, опустил перед ним на колени. Ли Яньшэн тут же принялся поднимать того с пола. Чэнь Чжанцзе, ухватившись за его руку, запричитал:

– В двух словах всего не расскажешь.

– Человека не воскресишь, сейчас уже поздно о чем-то говорить, – пытался успокоить его Ли Яньшэн.

– Не надо было мне тогда заводить роман с Интао, мы с ней не одного поля ягода, женившись на ней, я тем самым ей только навредил.

– Ты не можешь так говорить.

– Почему не могу? Ведь в нашем спектакле мы с ней играли соперников: она была Белой змейкой, а я – уничтожившим ее Фахаем.

– Жизнь и спектакль – разные вещи.

Тут Ли Яньшэн заметил на траурном павильоне надпись – «Желаем быстрее взойти в царство бессмертных». Перед портретом умершей стоял трехлетний Минлян. Облаченный во все траурное, он хлюпал носом, уставившись на Ли Яньшэна. Ли Яньшэн обратился к Чэнь Чжанцзе:

– О прошлом лучше забыть, главное сейчас – вырастить сына.

– В нашем городе теперь все думают, что это я свел жену в могилу, нельзя мне оставаться в Яньцзине.

– Это все твои домыслы, никто так не думает.

– Мы с тобой и в одной труппе играли, и на одном заводе работали, всю жизнь вместе провели, ты знаешь меня как облупленного.

– Я тебя понимаю, – сказал Ли Яньшэн и добавил, – если захочешь излить душу, только скажи, сходим вместе в «Маршал Тяньпэн», поедим свиных лыток.

Чэнь Чжанцзе закивал головой:

– У меня в Яньцзине только ты и остался, с кем можно поговорить по душам.

К удивлению Ли Яньшэна спустя месяц после похорон Интао Чэнь Чжанцзе и правда взял и навсегда покинул Яньцзинь. Его дядя по материнской линии работал стрелочником в паровозном депо города Уханя, поэтому Чэнь Чжанцзе вместе с трехлетним Минляном перебрался в Ухань. Ли Яньшэну о своем отъезде он ничего не сказал.

В один миг пролетело три года, и от Чэнь Чжанцзе пришло письмо, в котором он сообщал, что снова хочет жениться, поэтому приглашает Ли Яньшэна в Ухань на свадьбу. Письмо пришло в Яньцзинь на адрес бакалейной лавки на улице Дунцзе. Ли Яньшэн, там же прочитав письмо, принялся вспоминать как они с Чэнь Чжанцзе когда-то играли в труппе, как работали на заводе, как вместе ели свиные лытки и много чего еще. Еще минуту назад до чтения письма, ему казалось, что все это забылось, но едва он взял письмо в руки, так все в его памяти разом ожило, так что не поехать в Ухань он не мог. Вечером, вернувшись домой, он завел разговор о

своих планах с Ху Сяофэн. Ху Сяофэн теперь была не только пышной в грудях, но округлилась всем телом; по ночам она уже не просила Ли Яньшэна гримироваться под Сюй Сяня, да и сама перестала изображать из себя гибкую змейку. Ли Яньшэн и подумать не мог, что в ответ на его заявление о поездке в Ухань на свадьбу к Чэнь Чжанцзе, Ху Сяофэн резко отрежет:

– Не поедешь.

– Мы же друзья, нельзя не поехать, еще тогда, на похоронах, он сказал, что в Яньцзине у него остался лишь я, с кем можно поговорить по душам.

– Мне плевать, хоронит он кого-то или берет в жены, интересно лишь узнать, на чьи деньги ты собрался в Ухань?

– Разумеется, на свои.

– Раз это свадьба, то и конверт надо будет преподнести?

– Разумеется, и конверт надо будет преподнести.

– До Уханя от нас не близок путь, ты в месяц зарабатываешь около семидесяти юаней, билеты, да еще конверт, это две твоих зарплаты! У меня уже два месяца такая слабость, что я ни стоять, ни сидеть не в силах, при этом я не могу себе позволить сходить в больницу и провериться. И что же, нет чтобы позаботиться о своей жене, ты считаешь, что лучше съездить женить друга!

Ли Яньшэн и подумать не мог, что одно потянет за собой совершенно другое. Спустя несколько лет супружеской жизни подобные ситуации случались все чаще. Опасаясь, как бы

Ху Сяофэн не распалилась пуще прежнего, Ли Яньшэн поспешил закрыть эту тему:

– Ехать или нет, это собственно мое дело, – сказал он и тут же добавил, – его дело пригласить, мое дело – принять приглашение или отказаться.

На следующее утро, придя на работу, Ли Яньшэн попросил торговавшего табаком и алкоголем Лао Мэна, чей прилавок находился справа, присмотреть за его прилавком с соевым соусом, уксусом, засоленными овощами, сычуаньским перцем, бадьяном и соленым доуфу, а сам в это время направился к своим бывшим напарникам по театральной труппе, а потом к некоторым товарищам, с которыми раньше работал на заводе. Он спросил, знает ли кто-то о свадьбе Чэнь Чжанцзе в Ухане и собирается ли кто-то на эту свадьбу. В ходе опроса выяснилось, что никто не знал о том, что Чэнь Чжанцзе собирается в Ухане жениться. Некоторые и вовсе забыли, кто такой Чэнь Чжанцзе, а потому спрашивали: «А что за Чэнь Чжанцзе?», получив ответ, они тут же, поддакивали: «А, а, тот самый тип, что свел в могилу свою жену». Похоже, о своей женитьбе Чэнь Чжанцзе сообщил в Яньцзине лишь Ли Яньшэну. Раз так, то не будет ничего особенного, если он вдруг не приедет; но именно из-за того, что приглашен был лишь он один, его отсутствие точно обнаружится; да и это не важно, а вот раз уж Чэнь Чжанцзе пригласил только его, то значит и правда считал его единственным другом в Яньцзине, поэтому отказ Ли Яньшэна будет выглядеть как

предательство, тем более, что письмо оканчивалось фразой «остальное расскажу при встрече». Что скрывалось под этим «остальное»? Однако поехать к другу Ли Яньшэну мешала неприступная застава в лице Ху Сяофэн. Наведя справки, он узнал, что билет на поезд до Уханя и обратно обойдется ему больше сотни юаней; за свадебный подарок, даже если его покупать вскладчину, придется выложить еще не меньше пятидесяти юаней; итого уже почти двести юаней; между тем месячная зарплата Ли Яньшэна составляла всего шестьдесят пять юаней, так что на разовую поездку в Ухань ему бы не хватило даже двух зарплат, в этом смысле Ху Сяофэн была абсолютно права; «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?» – сетовал про себя Ли Яньшэн.

Чтобы не усложнять себе жизнь, Ли Яньшэн написал Чэнь Чжанцзе письмо, в котором поздравил его с женитьбой, а также объяснил ситуацию: «Изначально собирался к дорогому другу на свадьбу, но, к сожалению, на прошлой неделе подвернул ногу и теперь на нее не наступить». В самом конце он приписал: «Впереди еще целая вечность, про остальное расскажешь позже». С помощью такой брехни он это дело и уладил.

2

У северных ворот Яньцзиня находилась харчевня под названием «Баранья похлебка Большеротого У». Когда Ли

Яньшэн и Ху Сяофэн крутили роман, то больше месяца ели там баранью похлебку. Всего в Яньцзине насчитывалось около полсотни заведений, где готовили баранью похлебку, но считалось, что именно у Большеротого У дела шли хорошо. В его харчевне, помимо похлебки, также предлагались шашлычки из баранины, пирожки с бараниной, обваренная баранина, тушеная лапша с бараниной и т. д. Если другие харчевни принимали посетителей днем, а на ночь закрывались, то харчевня Большеротого У днем закрывалась, открывалась вечером и работала вплоть до самого рассвета. Поток посетителей не прекращался даже к пяти утра. Народ привлекало то, что похлебка здесь всегда была свежей, а мясо – нежным; а все потому, что баранов хозяин закалывал каждый день.

Большеротый У закалывал баранов днем, примерно часа в три после полудня. Коренастый, круглоголовый, с выдающимся пузом, без всяких признаков растительности на лице, он вытаскивал из загона барана, тот начинал блеять, оставшиеся в загоне собратья блеяли ему вослед. Большеротый У, прижимая его к длинному столу, увещевал:

– Кончай уже блеять, все равно это зря. Не зарежу я, так попадешь в другие руки и зарежет кто-нибудь другой... Я открывал харчевню, чтобы заработать, и ты мне кстати не даром достался, неужели думал, что будешь у меня до старости доживать?... Тут уж ни ты, ни я не виноват, кто тебя заставлял перерождаться в барана?... Вечером тебя оприходую, так что забудешь о суете и попадешь в рай... А то, что

ты попал в мои руки, считай, тоже судьба.

Удар ножом и баран умолкал, его собратья в загоне тоже умолкали. Булькая, свежая кровь выплескивалась из бараньей шеи и с шумом лилась в подставленный под стол железный таз. Баранью кровь посетители тоже часто заказывали.

День-деньской, пачкая нож в крови, Большеротый У, помимо предсмертных бесед с баранами, в обычной жизни был неразговорчив и попусту болтать не любил. Пока Чэнь Чжанцзе крутил роман с Интао, то они тоже частенько приходили в харчевню Большеротого У полакомиться похлебкой. У Чэнь Чжанцзе во время таких свиданий рот не закрывался, он без перерыва развлекал Интао шутками. Выдаст одну шуточку, Интао знай себе заливаётся колокольчиком, выдаст другую – Интао заливаётся пуще прежнего. Большеротый У в таких случаях сперва упирался в них взглядом, после чего разворачивался и уходил на задний двор. Позже, когда роман завязался у Ли Яньшэна и Ху Сяофэн, они тоже приходили сюда полакомиться похлебкой, но и с Ли Яньшэном Большеротый У не шибко считался, полагая, что все актеры – пустые людишки; ему было невдомек, что все, кто зарабатывает своим языком, тоже отличаются друг от друга; в этом смысле поговорить любил как раз Чэнь Чжанцзе, а не Ли Яньшэн.

Яньцзиньского дворника, что подметал в центре города, звали Го Баочэнь. Несмотря на то, что Го Баочэнь всего лишь мел улицы, он был в друзьях у Большеротого У. Эти двое

сблизились благодаря тому, что оба предпочитали держать язык за зубами и испытывали отвращение к болтовне. Раз узнали что хотели и замечательно, к чему лишние разговоры? Сделали что-то и прекрасно, к чему об этом распространяться? Что такого смешного есть в этом мире, чтобы целыми днями хихикать да хохотать? Доведись любому клиенту заглянуть в харчевню Большеротого У, тот на них и внимания не обращал, знай, получал от них деньги и все; если же в харчевню приходил Го Баочэнь, Большеротый У непременно подсаживался к нему, чтобы выпить. Обычно на столе у них было четыре блюда: вареный земляной орех, холодная закуска из степной мяты, яичница с цветками софоры – в Яньцзине растет много софор – и баранина, разорванная на нити – баранина предназначалась Го Баочэню, Большеротый У баранину есть давно перестал. Гул за соседними столиками, где ели и выпивали другие клиенты, напоминал клочкотание кипящего котла, между тем Большеротый У и Го Баочэнь могли уговорить две бутылки практически молча, они просто поднимали рюмки и, обменявшись взглядами, выпивали. Другие думали, что они заливают тоску, а им такое застолье приносило настоящее удовольствие. «Такое молчание будет поважнее иной беседы», – говаривал Ли Яньшэн, пока сидел в харчевне Большеротого У.

Как-то ночью Го Баочэнь снова заглянул к Большеротому У. В полном молчании они снова прикончили две бутылочки. На следующее утро родные Большеротого У обнаружили

его в постели мертвым. В больнице выяснилось, что тот умер от инфаркта.

Вторая из старших сестер Большеротого У работала на яньцзиньской кондитерской фабрике в кондитерском цеху, она резала конфетную массу, а Ху Сяофэн заворачивала готовые конфеты в фантики, и, хотя женщины работали в разных цехах, все равно они были сослуживицами. Поэтому, когда устраивались похороны Большеротого У, его сестра пригласила на них и Ху Сяофэн. В день похорон Ху Сяофэн предложила Ли Яньшэну сходить на поминки вместе с ней.

– А на поминки надо приносить деньги? – спросил Ли Яньшэн.

– Разумеется, надо, – ответила Ху Сяофэн.

Тут Ли Яньшэн вспомнил про недавнюю свадьбу Чэнь Чжанцзе и про то, как Ху Сяофэн не пустила его на эту свадьбу, и пробурчал:

– Как у твоей подруги что-то случилось, так мы идем, а как у моего друга – так значит нельзя.

Ху Сяофэн поняла, что Ли Яньшэн говорит о свадьбе Чэнь Чжанцзе в Ухане, и тут же завелась:

– Как можно сравнивать такие вещи? Твой друг женился в Ухане, а Большеротого У хоронят у нас в Яньцзине. К тому же, – добавила она, – разве сравнятся расходы на свадьбу и на похороны?

В те времена по местным нормам деньги на свадьбу собирались посерьезнее, по пятьдесят юаней, а на похороны –

поскромнее, по двадцать юаней. Опасаясь, как бы Ху Сяофэн не распалилась пуще прежнего, Ли Яньшэн поспешил закрыть тему:

– Я просто так сказал, а ты все приняла всерьез... Может просто боишься, что если пойдешь на поминки одна, то двадцать юаней не окупятся?

Ху Сяофэн прыснула со смеху.

Поминки само собой проходили в харчевне Большеротого У. Семейство У пригласило немало гостей, накрыв около двадцати столов по десять человек за каждым. За столом, где сидели Ли Яньшэн с Ху Сяофэн, были как знакомые, так и незнакомые. Но после трех рюмок перезнакомились уже все. Закусывая, народ самозабвенно обсуждал внезапную кончину Большеротого У.

– В тот вечер он выпивал с Го Баочэнем, сидел как раз вон за тем столом.

– Удивительное дело, такой крепкий мужик и вдруг помер от инфаркта.

– Еще бы, столько выпить, они с этим дворником целый литр уговорили.

– Избыток веса тоже сделал свое дело, при росте метр шестьдесят весил больше ста килограммов.

Кто-то тихо сказал:

– Жизней много загубил, вот и поплатился.

Тут к их столу, держа наготове рюмку, подошел младший брат Большеротого У и обратился к присутствующим:

– Кончайте уже строить свои домыслы, я все слышал, что вы тут насочиняли... Ответственно заявляю, что мой брат умер не от инфаркта, возмездие тут тоже ни при чем.

– А из-за чего? – встрепенулся народ.

– Из-за шуток.

Большеротый У всегда сохранял серьезность, а вот его младший брат любил потрепаться. Все говорили, что младший брат высказывается еще и за старшего; при жизни Большеротый У частенько обзывал младшего брата «дурнем»; тот выполнял в харчевне всякого рода черную работу, еще издали завидев старшего брата, он старался тут же умолкнуть и взяться за дело; теперь, когда Большеротый У помер, он, с одной стороны, опечалился, а, с другой, даже немного обрадовался; опечалился из-за того, что потерял брата, а немного обрадовался из-за того, что теперь было некому одергивать его за болтовню.

– Из-за шуток? – опешили гости, – ты хочешь сказать...

– Яснее ясного, – перебил младший У, – мой брат наткнулся на Хуа Эрнян.

Сделав паузу, он продолжил:

– В тот вечер брат выпил с Го Баочэнем литр водки и как обычно уснул. Раньше они выпивали ровно столько же и ничего, а тут он вдруг взял и помер. Просто он и подумать не мог, что ночью к нему во сне заявится Хуа Эрнян, которая потребует с него шутку; но куда там, ведь мой брат упрямец еще тот. Естественно, Хуа Эрнян рассердилась и потребо-

вала отнеси ее отведать чашечку острой похлебки, не успел брат и глазом моргнуть, как его раздавило горой.

Хуа Эрнян обреталась в Яньцзине уже больше трех тысяч лет. Ежегодно в Яньцзине происходило несколько случаев, когда Хуа Эрнян являлась людям во снах и придавливала их насмерть, поэтому здешний народ уже ничему не удивлялся; единственное, среди сотни скоропостижно умирающих каждый год, было сложно провести грань между теми, кто умер сам и теми, кого придавила Хуа Эрнян. Поэтому, гости тут же спросили младшего У:

– Откуда ты знаешь?

– Как ты определил, что это сделала Хуа Эрнян?

Тот всплеснул руками:

– У него ведь голова при жизни была круглая? А когда его в гроб укладывали, голова оказалась сплюснутой. Пузо у него было большое? А теперь стало плоским, словно лист бумаги. Ясное дело – горой придавило.

Сделав паузу, он продолжил:

– Я рассказал об этом Сыма Ню, он пришел провести экспертизу. Изучив труп, он тоже постановил, что это проделки Хуа Эрнян.

Сыма Ню проживал у южных ворот Яньцзиня и работал учителем химии в средней школе № 1, помимо химии, он увлекался рассказами о чудесах периода Вэй-Цзинь¹², а

¹² Переломные периоды в истории Китая III–V вв., именно тогда, в страну стала проникать чужеземная культура

также эпохи Южных и Северных династий¹³; поскольку Хуа Эрнян прибыла в Яньцзинь издалека и жила здесь уже больше трех тысяч лет, Сыма Ню задался целью в свободное от преподавания время написать «Жизнеописание Хуа Эрнян»; по его словам, он задумал эту книгу не только ради описаний ее деяний, но для того, чтобы изучить химическую реакцию, которая возникла между Хуа Эрнян и Яньцзинем вследствие одного анекдота; все, что содеяла Хуа Эрнян в Яньцзине, Сыма Ню собирал по крупицам уже более тридцати лет; можно сказать, что он был настоящим экспертом по Хуа Эрнян; поэтому его заключение о том, что Большеротого раздавила именно Хуа Эрнян, никакого сомнения не вызывало.

– К тому же, в ту ночь я слышал, как во дворе завыл ветер, – добавил брат Большеротого У после чего подытожил, – Всегда обзывал меня дурнем, а сам-то не лучше оказался, вечно ходил с каменным лицом, не понимал важности шуток.

С этими словами, он пригласил всех выпить и пошел к другому столу.

Гости все как один закивали:

– Ну раз уж Сыма Ню сказал, что это проделки Хуа Эрнян, тогда это точно необычная смерть.

Тут же народ завел разговор о том, как Хуа Эрнян выбирает себе жертву.

– Эрнян ведь заведомо знала, что Большеротый упрямец

¹³ III–VI вв.

еще тот, вот она нарочно к нему и явилась.

– Справедливость в том и заключается, что на кого на-толкнулась, тот и попался, небо обрушилось на его голову, иначе получится, что она специально выбирает жертв.

– Хуа Эрнян живет в Яньцзине уже больше трех тысяч лет, прилипла к нам точно пластырь из собачьей кожи¹⁴, не отодрать.

– Такая уж у Яньцзиня судьба, из поколения в поколение одно и то же, без нее уже никак.

– Как бы то ни было, то, что у нас есть Хуа Эрнян, дает свои плюсы, если бы не она, откуда бы у яньцзиньцев взялось такое чувство юмора?

– А если чувства юмора нет, придется угощать ее острой похлебкой.

– Надо было Большеротому взять и перед смертью ей предложить, мол, Эрнян, на кой тебе сдалась эта острая похлебка, лучше пожалуй ко мне на похлебку баранью.

Гости засмеялись, Ху Сяофэн и Ли Яньшэн засмеялись тоже.

Потом кто-то сказал:

– А все-таки брат Большеротого прав, нельзя быть таким неосмотрительным, если ты – яньцзинец, как можно ложиться спать, не заготовив хоть одну шутку?

– А кто его заставлял ненавидеть шутки? Вот и поплатился.

¹⁴ Средство китайской медицины

Гости засмеялись, Ху Сяофэн и Ли Яньшэн засмеялись тоже.

– Впредь нам всем следует быть осмотрительнее, – доносило в ответ.

В разгар застолья Ли Яньшэн поднялся из-за стола и направился на задний двор справить нужду. Рядом с туалетом находился загон, где жили бараны Большеротого У. Опустив головы, животные жевали траву, словно ничего и не произошло. Увидав этих баранов, Ли Яньшэн, вздохнул: сколько жизней сгубил Большеротый У и не думал, что сам попадет в руки Хуа Эрнян; всегда такой серьезный он и предположить не мог, что помрет из-за шутки. К самому Ли Яньшэну Хуа Эрнян во сне еще не приходила. Как и Большеротый У, Ли Яньшэн не любил разговаривать, так что если бы Хуа Эрнян заявила к нему, его бы ждала развязка не лучше, чем у Большеротого У; на всякий случай не помешало бы срочно выучить несколько анекдотов; тут ему стало противно от того, что такому серьезному человеку как он, вдруг придется грузить себя подобной чепухой; при таком раскладе он загонит себя в гроб еще прежде, чем это сделает Хуа Эрнян, что уже само по себе станет анекдотом; в Яньцзине, продолжал рассуждать он, проживает больше полумиллиона человек, а Хуа Эрнян – одна, да и выходит она лишь на минутку-другую, вряд ли она до него доберется. Тут и осторожность не поможет, и паника не спасет, а если целыми днями находиться в подвешенном состоянии, то скорее помрешь

от страха, чем от визита Хуа Эрнян, что тоже станет анекдотом. Лучше уж уподобиться этим баранам: когда Большеротый У забивал одного, остальные, поблеяв пару раз, продолжали спокойно жевать траву. Иначе говоря, пока тебя не схватили, лучше всего было и дальше спокойно заниматься своими делами; бояться было без толку. В этом состояла вся суть Яньцзиня. Тут же Ли Яньшэн задался вопросом, продолжит ли брат Большеротого У держать эту харчевню. Если даже харчевня сохранится, вкус бараньей похлебки из-за смены хозяина-молчуна на хозяина-балабола наверняка изменится. А вот если харчевня и вовсе закроется, тогда ему придется столоваться не иначе как в ресторанчике «Маршал Тяньпэн».

3

Прошло, наверное, уже дней семь, а на Ли Яньшэна все накатывала и накатывала хандра. В те годы по Яньцзиню ходила песенка «Надо есть, надо пить», в которой были такие слова: «Надо есть, надо пить, ни за что не смей хандрить. От своей судьбы ни ты, ни я не уйду, думать о пустом совсем ни к чему. Ничего не бойся и не беспокойся, будет падать небо, все равно не скроешься. Надо есть, надо пить, что поделать, надо просто жить...». Эту песенку пели все кому не лень, и Ли Яньшэн тоже ее пел. Бывает охватит его беспокойство, он споет куплетик, и беспокойства сразу как не бы-

вало, на сердце становилось веселее; а тут он пытался ее петь уже дней семь, но вместо веселья, на душе становилось лишь тревожнее. Он пытался понять причину, но причины как таковой не было: каждый день он все так же ходил на работу в свою лавку, все так же трижды в день ел у себя дома, ничего нового. С Ху Сяофэн он в последнее время не ссорился, да и с соседями по прилавку был в ладах. Выражаясь словами торговавшего рядом табаком и алкоголем Лао Мэна, это называлось искать проблемы там, где их нет. Однако эти проблемы проявлялись вполне конкретно. Если раньше Ли Яньшэн и так говорил мало, то теперь он стал говорить еще меньше, ограничиваясь тремя фразами в день и проводя все время в каком-то оцепенении. Когда к нему приходили покупатели, он частенько вместо соевого соуса подавал уксус, а вместо сычуаньского перца – бадьян. Дома за столом, теперь он, бывало, ел, ел, а потом вдруг откладывал палочки и замирал, глядя в окно.

– Ли Яньшэн, о чем задумался? – спрашивала его Ху Сяофэн.

Тот вздрагивал и, очнувшись, быстро отвечал:

– Да ни о чем.

Проснувшись ночью, Ху Сяофэн часто обнаруживала, что Ли Яньшэн сидит, свесив ноги, на краешке кровати и смотрит, уставившись в непроглядную тьму. А однажды она вдруг пробудилась от его завываний и увидела, как Ли Яньшэн, уставившись в непроглядную тьму, тихонько напевает

себе под нос арию из «Легенды о Белой змейке». «Что поделать? Что поделаться? Как быть? Как быть?...», – повторял он, срываясь в рыдания.

– Ли Яньшэн, ты решил в могилу меня свести? – испугалась Ху Сяофэн.

Она отвела Ли Яньшэна на осмотр в больницу, там ему измерили давление, взяли кровь на анализ, сняли электрокардиограмму, сделали компьютерную томографию всех органов, но никаких отклонений не нашли. Тогда она сводила его в психиатрическую клинику, но и с психикой у него оказался полный порядок.

– Ты явно болен, но при этом у тебя ничего не находят, в такой ситуации и помереть недолго, – сказала Ху Сяофэн.

– Я и сам этому не рад, но ничего не могу поделать, – ответил Ли Яньшэн и тут же добавил, – Сяофэн, умру я или нет, ты больше обо мне не беспокойся.

Ху Сяофэн заплакала:

– Ты специально пугаешь меня, чтобы прежде, чем умереть, сначала померла я, да?

Вдруг, спохватившись, она спросила:

– А может, ты встретил во сне Хуа Эрнян?

Ли Яньшэн покачал головой:

– Если бы я ее встретил, меня бы постигла участь Большеротого У, поскольку шутить я не мастак, она бы уже давно меня раздавила, и я бы тут с тобой не разговаривал.

Ху Сяофэн встrepенулась:

– Раз так, значит ты весь в мыслях о том, что Хуа Эрнян вот-вот нагрянет к тебе. Не лучше ли тогда просто заготовить анекдот? Если припасешь заготовку, то, может, и тоска вся пройдет.

Ли Яньшэн снова покачал головой:

– Не смеши меня, я тут даже песню «Надо есть, надо пить» сколько раз вспоминал, все без толку.

– Но из-за чего в конце концов вся эта напасть?

– Если б я знал, то уже бы не мучался.

Ху Сяофэн, которую до этого то и дело мучала потливость, из-за постоянного беспокойства за Ли Яньшэна в результате избавилась от своего недуга.

А вот у Ли Яньшэна через какое-то время заметно ухудшился аппетит. Спустя месяц он сильно похудел, глаза его совсем запали, а скулы выступили наружу.

Лао Мэн, что торговал табаком и алкоголем, его увещевал:

– Яньшэн, нельзя так себя изводить.

А Ли Яньшэн ему отвечал:

– Эта тоска лишь усиливается, я теперь уже и жить не хочу.

– Тогда тебе явно надо обратиться к Лао Дуну, – посоветовал Лао Мэн и тут же спросил, – Пойдешь? Если пойдешь, могу составить тебе компанию.

Лао Дун был яньцзиньским гадателем. С его собственных слов, он являлся слепцом с открытыми глазами. Будучи незрячим от рождения, он никогда не видел, как выглядит этот мир и как выглядят люди. Во время гадания он восстанавливал человеческий облик, ощупывая лицо и телосложение клиента. Однако кто-то говорил, что Лао Дун слепой-то слепой, но не совсем, пусть кое как, но тех же прохожих он распознать, может: кто-то видел, как Лао Дун какое-то время шел по улице, ощупывая дорогу палкой, но едва начался дождь, как тут же сунул палку под мышку и припустил к дому. Как-то раз, когда Ли Яньшэн работал литейщиком на заводе, он вместе с Чэнь Чжанцзе отправился в «Маршал Тяньпэн» полакомиться свиными лытками. Пока они там ели, в зал, постукивая палкой, вошел Лао Дун и, подсев, к ним, тоже заказал себе свиную лытку. Когда Ли Яньшэн и Чэнь Чжанцзе свои лытки уже обглодали, Лао Дун обглодал свою лишь наполовину. Тогда Чэнь Чжанцзе решил подшутить над Лао Дуном и пока тот, задрав голову, облизывал пальцы, забрал с его тарелки недоеденную лытку и вместо нее подложил обглоданную кость. Лао Дун взял эту кость, и пока ее грыз все ворчал, мол, как я сегодня быстро управился, хотя помню, что мясо еще оставалось. Не даром говорят: «Не верь чужим речам, а верь своим очам», так что лично Ли

Яньшэн верил, что Лао Дун полностью слепой.

Независимо от того, был Лао Дун полностью слепым или только наполовину, если зрячие сталкивались в этом мире с чем-то неразрешимым или необъяснимым, они непременно обращались за помощью к Лао Дуну. Потеряется, к примеру, у кого-то свинья, собака, трактор или человек – тотчас идут к Лао Дуну разузнавать о местонахождении пропажи, о том, как ее вернуть; заболит кто-нибудь в семье раком или надо кому-то поступать в вуз, идут выяснять, выздоровеет ли больной, удастся ли сдать экзамен; доведись коммерсанту или чиновнику вляпаться в серьезную переделку, идут узнавать, удастся ли оживить бизнес или избежать тюрьмы... Одним словом, все, кто шел к Лао Дуну, непременно шел к нему по какому-то делу, без дела к Лао Дуну никто не шел. Прямо как в случае со здоровьем: если ты болен – идешь к врачу, а если нет – то и врач ни к чему. Клиент излагал Лао Дуну суть своей проблемы, а Лао Дун, выяснив подробную дату его рождения, включающую год, месяц, день, час и т. д., составлял свой прогноз; если прогноз не складывался, он прибежал к гаданию по форме костей. Такое гадание подразумевало ощупывание формы двухсот шести костей клиента, что позволяло расписать всю его жизнь и предсказать судьбу. По словам Лао Дуна, за последние десятилетия он ощупал несколько тысяч людей, и этот опыт совершенно разбил ему сердце, потому как из нескольких тысяч людей лишь единицы имели человеческие кости, в то время как подав-

ляющее большинство скрывало в себе сущности свиней, баранов и прочей живности, о чем говорило соответствующее направление их хребтов. Народ его спрашивал, неужели среди такой массы людей, не находится ни одного, кто в прошлой жизни был человеком? На что Лао Дун отвечал: «Находится. К примеру, дворник Го Баочэнь, что подметал в центре города, в прошлой жизни возжигал благовония на могиле предков, в первые годы республики он занимал пост военного губернатора, после чего дослужился до премьер-министра; в прошлой жизни он косил народ как коноплю, поэтому в этой жизни подметает Яньцзинь, а заодно очищается сам».

Помимо гаданий по гороскопу и по форме костей, Лао Дун также мог устраивать сеансы общения, когда кто-то из живущих хотел передать послание кому-нибудь из умерших или наоборот; клиент сообщал Лао Дуну подробные гороскопы живущего и умершего, а также точную дату смерти умершего, после чего Лао Дун, сотворив заклинание, устанавливал между ними сеанс общения. В такие минуты живому передавались послания от духа умершего, а духу умершего – послания от ныне живущего. Помимо передачи сообщений, были возможны и так называемые прямые эфиры, что позволяло живым и умершим встречаться. Сам Лао Дун поклонялся высочайшему наставнику Чжао, поэтому перед прямыми эфирами Лао Дуну требовалось совершить жертвоприношение наставнику. Явившись Лао Дуну, наставник Чжао перемещал дух умершего прямо в его тело, благодаря

чему клиент мог лично встретиться с умершим. Такая услуга пользовалась популярностью у тех, кто совсем недавно потерял отца или мать, они хотели встретиться с родителями, чтобы сказать недосказанное при жизни или выяснить, где же те припрятали сберкнижку. «Я уж и не мечтал, что мы встретимся снова», – задыхаясь от волнения, причитал клиент, потрясая руку Лао Дуна, принимая его за родителя; другой, изменившись в лице, вопил что есть мочи: «Отец, куда ты, в конце концов, упрятал сберкнижку?»

Находились и такие, кто просил предсказать последующее перерождение, но Лао Дун лишь отрицательно мотал головой. «Замысел Неба, – говорил он, – разглашать нельзя». И дело тут не только в гадательном этикете, для самого человека так тоже лучше, иначе, если наперед знать все, что тебя ждет в этой и последующей жизни, какой интерес вообще жить? Все говорят, что так было бы проще, но если бы человек и правда знал все наперед, то, скорее всего, расхотел бы жить.

Все понимали, что Лао Дун в общем-то несет бредятину: «Лао Дун, ты и этот-то мир разглядеть не можешь, как же тебе удастся видеть то, что и нам не под силу?» «Именно потому, что я не могу разглядеть этот мир, я могу видеть то, что вам не под силу». Все эти слова тоже были бредятиной. Однако, когда человек попадает в тупик, он гораздо охотнее будет слушать всякие бредни. А без этих бредней Лао Дуна, многие яныцзиньцы просто бы умерли от тоски. Да и число

страдальцев от депрессии тоже увеличилось бы на треть.

Предсказывая судьбу, Лао Дун никого не заставлял ему верить. Хочешь верь, хочешь – не верь. Закончив гадать, Лао Дун добавлял свою привычную фразочку: «Это все домыслы, так, забавы ради». Гадательный салон Лао Дуна назывался «Мир иллюзий Великой пустоты». При этом он любил повторять: «Пустота, Великая пустота, это просто мир иллюзий, не стоит в это верить». Парные надписи на входе в дом гласили:

*По делам, разрешимым на этом свете, не обращаться.
Домыслы слепца не стоит принимать на веру.*

Горизонтальная надпись сверху гласила:

Развей тоску.

Поскольку и Лао Дун, и Хуа Эрнян находились в Яньцзине, то некоторые задавали гадателю вопрос:

– Лао Дун, ты ведь все равно незрячий, у тебя что с открытыми глазами – ночь, что с закрытыми – ночь. Приходила к тебе во сне Хуа Эрнян или нет?

– Все ее явления во снах – это бредятина, мои предсказания – тоже бредятина. Как одна бредятина может повстречать другую? – отвечал Лао Дун и добавлял, – это называется минус на минус дает плюс, или колодезная вода речной не помеха.

Эти слова скорее всего тоже были бредятиной. А если нет, то выходило, что слепой Лао Дун был единственным в Яньцзине, кто благодаря своим бредням мог укрыться от проделок Хуа Эрнян.

5

Ли Яньшэн решил пойти к Лао Дуну, чтобы тот ему погадал и объяснил, что же за печаль гложет его сердце, доводя до последней черты. Как и все остальные, кто попадал в тупиковые ситуации, он надеялся получить объяснение, слушая нелепицу. Направляясь к Лао Дуну, Ли Яньшэн не стал брать себе в провожатые ни Лао Мэна, что торговал табаком и алкоголем, ни свою жену Ху Сяофэн. По идее, ничего зазорного в том, чтобы решать свои проблемы за компанию с кем-то, нет, к примеру, в ту же больницу или психиатрическую клинику он ходил в сопровождении Ху Сяофэн. Но когда Ли Яньшэна посетила мысль отправиться к Лао Дуну, ему захотелось сходить к нему в одиночку. Если Лао Дун будет распознавать, что у него на душе, то он бы предпочел, чтобы никаких свидетелей рядом не было.

Дом Лао Дуна располагался в восточной части Яньцзиня в переулке Чжамэн. Поскольку Лао Дун уродился незрячим, то справедливо было бы предположить, что поиск жены оказался для него делом непростым. Однако его ежемесячный доход от гаданий по гороскопу, по форме костей и от прямых

эфиров в несколько раз превышал заработок Ли Яньшэна, который торговал в бакалейной лавке, так что найти жену ему труда не составило. Разумеется, женщины без физических недостатков замуж за Лао Дуна идти не желали, поэтому в жены ему досталась слепая на один глаз Лао Куай, второй глаз у нее был в порядке, такой вот наполовину слепой вариант. Будучи слепой не полностью, а лишь наполовину, можно сказать, что Лао Куай пошла на мезальянс. Впоследствии она родила Лао Дуну девочку и мальчика, и дочь, и сын оказались зрячими. Ли Яньшэн шел на гадание к Лао Дуну впервые, так что это был первый визит в его дом. Зайдя во двор, сперва он наткнулся на дочь Лао Дуна, вооружившись палкой, эта девчушка лет семи гоняла по двору кур. Заметив Ли Яньшэна, она остановилась и, уставившись на него, спросила:

– Чего надо?

– Я к твоему папе за советом.

– А ты записывался?

Как оказалось, чтобы получить от Лао Дуна совет, сперва следовало, прямо как на прием к врачу записаться.

– Не знал, что надо записываться.

– Так нельзя, сегодня запишись, а потом по записи придешь.

– У меня очень срочное дело.

– Если хочешь пройти без очереди, придется заплатить за срочность.

Ли Яньшэн невольно улыбнулся. Тут же он поймал себя на мысли, что за месяц с лишним это была его первая улыбка. Вместе с тем ему показалось, что едва он ступил на порог этого дома, как почувствовал какую-то теплоту, и тогда он понял, что поступил верно, что пришел к Лао Дуну. Поэтому он сразу ответил:

– Скажи сколько, и я заплачу.

Тут он увидел, что под карнизом дома Лао Дуна собралось больше десятка человек, кто-то сидел на корточках, кто-то стоял, один сидел на пеньке, оцепенело уставившись в небо. Ли Яньшэн убедился, что ребенок его не обманывает, и что желающих послушать «бредни» Лао Дуна и правда немало. «Похоже, – подумал он, – тупиковых проблем более чем достаточно, не я один мучаюсь от тоски». Ли Яньшэн подошел к ожидающим, сознательно становясь в самый конец очереди.

Солнце с востока переместилось к самому югу, стоявшие перед Ли Яньшэном люди по одному заходили внутрь и потом так же по одному выходили и уходили прочь. За Ли Яньшэном уже пристроилось человек пять, и вот, наконец, подошла его очередь. Ступив на порог, он заметил, что напротив прямо по центру стены висит изображение небесного божества. Ли Яньшэн слышал, что фамилия наставника, которому поклоняется Лао Дун, Чжао, так что скорее всего это был портрет высочайшего наставника Чжао. Наставник был облачен в красное монашеское одеяние, в воздетой вверх ру-

ке он держал металлическую плеть и при этом восседал на цилиндре¹⁵. В верхней части портрета имелась надпись: «Мир иллюзий Великой пустоты». Перед портретом на столе восьми бессмертных¹⁶ размещалась курильница с тремя зажжёнными благовонными палочками. Лао Дун сидел за столом, а прямо перед ним стоял мужчина и, встряхивая, руками восклицал: «Значит, я и тут виноват, и там тоже?». Жена Лао Дуна, Лао Куай, увидав, что Ли Яньшэн, отведя занавеску, пытается пройти внутрь, поспешила к нему. Показывая на мужчину, она тихонько шепнула:

– Подождите немного, он еще не закончил.

Ли Яньшэн все понял, тут же вышел за порог и в ожидании пристроился под карнизом. Прислушиваясь к происходящему внутри, он улавливал то голос клиента, то голос Лао Дуна. Неожиданно клиент зарыдал, а Лао Дун принял его успокаивать: «Не плачь, не плачь, слезы тут не помогут». Буквально в следующую минуту заплаканный посетитель вышел на улицу. Услыхав, как Лао Куай крикнула изнутри «следующий», Ли Яньшэн сообразил, что вызывают его, и, снова отодвинув занавеску, прошел в комнату и уселся на табурет перед Лао Дуном.

– Прошу, доложите ваше имя.

– Меня зовут Яньшэн, тот самый Яньшэн, что в лавке на улице Дунцзе торгует соевым соусом, уксусом и засоленны-

¹⁵ Мифическое животное в виде однорогого оленя, покрытого чешуей

¹⁶ Стол квадратной формы на восемь человек

ми овощами.

– А, Яньшэн, вспомнил тебя, ты раньше играл Сюй Сяня в «Легенде о Белой змейке», я ходил тебя слушать.

Оказалось, что Лао Дун еще и ходил его слушать. Тут же он вспомнил, что Лао Дун слепой, видимо, поэтому он и сказал, что ходил «слушать».

– С тех пор уже прошло лет восемь, – ответил Ли Яньшэн.

– Какая у тебя проблема?

– Меня что-то гложет изнутри, чувствую, вот-вот сойду с ума, а в чем дело не пойму, хочу, чтобы ты погадал и установил причину, ведь только тогда я смогу избавиться от этой напасти.

В этот момент в нем подошла Лао Куай, она вынула из стоявшей перед наставником Чжао курильницы три сожженные палочки и воткнула на их место три новые. Ли Яньшэн сообразил, что вынутые палочки относились к прошлому клиенту, при смене клиента палочки полагалось обновлять. Когда Лао Куай зажгла благовония, Лао Дун встал со своего места, подошел к курильнице, что-то пробормотал, и, расположившись напротив портрета высочайшего наставника, отвесил ему три поклона; после этого он опустился на колени и совершил еще три поклона; потом встал и снова отвесил три поклона; потом уселся на свое место и обратился к Ли Яньшэну:

– Доложи свою полную дату рождения.

Ли Яньшэн доложил ему свою дату и Лао Дун, загибая

пальцы, углубился в подсчеты. Закончив с подсчетами, он задумался, уставившись в одну точку. Подумав, снова принялся загибать пальцы, все эти действия он повторил дважды, наконец, хлопнув рукой об стол, изрек:

– Все ясно.

Ли Яньшэн насторожился:

– Что ясно?

– Тебя гложет не печаль, а кое кто внутри тебя.

Ли Яньшэн от испуга вскочил с табурета:

– Внутри меня? Это еще кто?

– Разумеется, кто-то из уже умерших.

Ли Яньшэн снова опешил, оказывается, внутри него поселился мертвец.

– С какой стати? – заикаясь, спросил Ли Яньшэн.

– Да ни с какой, просто прилепился к тебе и все. Так что это не тебя печаль гложет, а того, кто поселился внутри тебя.

Ли Яньшэн потерял дар речи. После долгой паузы он спросил:

– И кто этот человек?

Лао Дун попросил Ли Яньшэна придвинуться к нему поближе, после чего принялся ощупывать его кости. Лао Дун ощупал его руки, ноги, грудь, спину, а также шею и голову.

– Ну как, можешь сказать, кто это? – спросил Ли Яньшэн.

– Глубоко спрятался, не прощупать.

– А можешь хотя бы определить, мужчина это или женщина?

Лао Дун принялся заново ощупывать Ли Яньшэна, после чего вынес вердикт:

– Женщина.

Ли Яньшэн снова испугался:

– Женщина? Это еще кто? Неужто Хуа Эрнян?

– Эти дни она приставала к тебе с просьбами ее развеселить?

– Не было такого, – замотал головой Ли Яньшэн.

– Раз так, то это точно не Хуа Эрнян, кто-то другой.

– А кто именно?

– Не прощупывается.

– А можно узнать каким-то другим способом?

– Можно.

– А каким?

– Через послания.

– Так давай через послания.

Тут в разговор вмешалась Лао Куай:

– Неудобно говорить, но за простое гадание плата одна, а за передачу посланий – другая.

– Это само собой. Я это понимаю, – откликнулся Ли Яньшэн.

Тогда Лао Дун поднялся, снова подошел к курильнице, что-то пробормотал, и, расположившись напротив наставника Чжао, отвесил ему три поклона; после этого он опустился на колени и совершил еще три поклона; потом встал и снова отвесил три поклона; потом уселся на место и углубился в

медитацию. Какое-то время спустя он открыл глаза и сказал:

– Послания не передаются.

– Почему?

– Эта женщина плачет, опустив голову, и не говорит, кто она.

– Как же быть? А есть еще какой-то способ узнать?

– Есть, можно устроить прямой эфир. При таком раскладе прятаться ей будет некуда, тогда запросто разглядим ее лицо.

– Тогда давай прямой эфир.

Тут в разговор снова вмешалась Лао Куай:

– Хотела предупредить, что за послания цена одна, а за прямые эфиры – другая.

– Не беспокойтесь, у меня с собой достаточно денег.

Тут Ли Яньшэн заметил, что в отличие от простой передачи посланий, перед устройением прямого эфира Лао Дун решил переодеться. Если до сих пор Лао Дун сидел в обычной домашней одежде, то теперь ему потребовалось монашеское одеяние, как у высочайшего наставника Чжао, и такой же, как у наставника, головной убор. Поэтому Лао Куай принесла ему красный халат и черную даосскую шапочку. Лао Дун встряхнулся и облачился в монашеское одеяние. Потом Лао Куай поднесла ему тазик с чистой водой, Лао Дун ополоснул руки, лицо, подошел к портрету наставника, заново совершил все положенные поклоны; потом он дважды кашлянул, прочистил горло и начал произносить какие-то непонятные для Ли Яньшэна заклинания; прочитав заклинания, он при-

нялся кружиться на месте, трижды в одну сторону и трижды в другую, потом, приняв чудную позу, он мелкими шажочками засеменял по комнате, топ-топ-топ, и вдруг Лао Дун куда-то испарился, перевоплотившись в женщину. Глядя на манерную походку нарезающей круги дамочки, Ли Яньшэн тут же обронил:

– Я узнал, кто это.

– Кто же я? – раздался встречный вопрос Лао Дуна.

– Ты – Интао.

Когда-то Интао, как и Ли Яньшэн, состояла в труппе хэнаньской оперы «Ветер и гром». В те времена он играл в «Легенде о Белой змейке» Сюй Сяня, а Интао – Белую змейку, в этом спектакле они исполняли роль супружеской пары; и двигалась Интао именно так: исполняя арию, извивалась всем телом; ни дать ни взять – настоящая змейка; проведя на одной сцене с Интао восемь лет, эту ее походку и выгибания Ли Яньшэн запомнил на всю жизнь; позже Интао вышла за Чэнь Чжанцзе, который играл Фахая; а потом поссорилась с Чэнь Чжанцзе из-за пучка лука и, в порыве злости повесилась. Выходило, что с тех пор, как померла Интао, минуло уже три года. У Ли Яньшэна никак не укладывалось в голове, почему раньше Интао никак не вмешивалась в его жизнь, тем более спустя три года после кончины, а тут вдруг месяц назад взяла и запрыгнула в его тело? Поэтому он спросил:

– Интао, зачем я тебе понадобился?

Лао Дун, он же Интао, ему ответил:

– Хочу, чтобы ты передал кое кому послание.

Закончив этой фразой и посчитав, что дело прояснилось, Лао Дун остановил прямой эфир и замер на месте. Лао Куай помогла ему снять монашеский халат и шапочку. Ли Яньшэн заметил, что Лао Дун сильно вспотел, от него разве что не валил пар. Вытирая лицо полотенцем, он сказал:

– Эти эфиры отбирают много сил, обычно я стараюсь их избегать.

Ли Яньшэн между тем постарался уцепиться за главное:

– Интао сказала, что хочет передать послание, а кому оно предназначено?

Лао Дун, который снова стал сам собой, передал Лао Куай влажное полотенце, уселся в свое деревянное резное кресло и занялся подсчетами на пальцах. Прошло достаточно много времени, прежде чем он изрек:

– Выяснил, это какой-то человек с юга.

– С юга? А откуда конкретно?

Лао Дун снова углубился в расчёты, наконец, сказал:

– Издалека, за тысячу ли¹⁷.

Ли Яньшэн впал в ступор:

– За тысячу ли? У меня за тысячу ли никого знакомых нет.

– Ну, тогда не знаю, по гексаграммам выходит, что так.

И тут Ли Яньшэна словно осенило, ведь к югу на тысячу ли располагался Ухань, а в Ухане жил человек, который

¹⁷ 1 ли составляет 500 м

имел отношение и к Интао, и к нему, Ли Яньшэну, это был ее муж, Чэнь Чжанцзе. Месяц назад он приглашал Ли Яньшэна в Ухань на свадьбу. Ли Яньшэн тут же поведал об этом Лао Дуну. Тот кивнул:

– Точно он.

– Но я в ближайшее время не собираюсь в Ухань, поэтому не смогу помочь Интао с посланием.

– Ты же говорил, что собираешься в Ухань, она услышала, вот и привязалась к тебе.

Тут Ли Яньшэн вспомнил, что месяц назад и правда говорил о том, что поедет в Ухань. Он хотел съездить на свадьбу к Чэнь Чжанцзе, но ему воспрепятствовала Ху Сяофэн, потому как эта поездка сулила большие траты.

– Месяц назад я и правда говорил, что поеду в Ухань, но как это могла услышать Интао?

– Без ветра не подыматся волны, подумай хорошенько и наверняка поймешь.

И тут Ли Яньшэн вспомнил, что в той самой лавке, где он день-деньской торговал соевым соусом, уксусом и засоленными овощами, на стене висела афиша с рекламой спектакля, который когда-то исполняла их труппа. На рекламе была запечатлена сцена из арии, где они пели: «Что поделать? Что поделать? Как быть? Как быть?». Еще в ту пору, когда Ли Яньшэн, Интао и Чэнь Чжанцзе выступали, эту афишу купила и приклеила на стену Сяо Бай, что торговала сычуаньским перцем, бадьяном и соленым доуфу. Сяо Бай тоже увле-

калась оперой. В свой первый день работы в этой лавке Ли Яньшэн увидел афишу, покачал головой и со вздохом сказал: «Так хорошо пел, никогда не думал, что докачусь до того, что стану торговать соевым соусом, уксусом и засоленными овощами». Позже Сяо Бай следом за мужем-военным отправилась в провинцию Ганьсу, а эта афиша так и осталась висеть на стене. Со временем она выцвела, покрылась пылью и даже покосилась на один бок, но никто этого не замечал. Потом Ли Яньшэн вспомнил, как месяц назад получил письмо от Чэнь Чжанцзе с приглашением на свадьбу, которое было отправлено на адрес этой самой лавки. Ли Яньшэн вскрыл конверт, вынул письмо и принялся его читать прямо там же; прочитав письмо, он перекинулся парой фраз с Лао Мэном, что торговал табаком и алкоголем; и теперь Ли Яньшэн переживал, что именно тогда его и подслушала Интао. Кто бы мог подумать, что давным-давно оставленная Сяо Бай афиша превратится в обиталище для тела и души умершей Интао.

– Лао Дун, – подал голос Ли Яньшэн, – а ты бы мог прогнать Интао из моего тела?

– Подойди, надо еще раз прошупать.

Ли Яньшэн придвинулся ближе, Лао Дун снова его ошупал, после чего лишь покачал головой и сказал:

– Не могу.

– Почему?

– Прогнать – не проблема, но через какое-то время она

привяжется к тебе снова. На этот раз чересчур упряма, не передашь ее послания, будет приставать снова и снова.

Сделав паузу, Лао Дун продолжил:

– Если ты обратишься к другому гадателю, он тебе наверняка поможет изгнать Интао, а когда она пристанет к тебе снова, поможет еще раз; только за каждый раз тебе придется платить. Я – не такой человек, я тебя обманывать не буду. И это даже не для твоего блага, просто я забочусь о своей следующей жизни. Чтобы переродиться зрячим, мне необходимо совершать благие поступки.

Ли Яньшэн понимающе закивал головой. Тут в разговор встряла Лао Куай:

– Похоже, в Ухань тебе, хоть умри, а съездить придется.

– Про поездку в Ухань речь шла месяц назад, и я не поехал, а теперь ехать туда уже и повод пропал.

– Это уже не ко мне, – ответил Лао Дун.

– Только одного не пойму, я же для Интао не родственник и не приятель, чего она привязалась именно ко мне?

– То есть как это не родственник и не приятель? Ты ведь в свое время играл Сюй Сяня, а она – Белую змейку, выходит, что вы были супругами.

– Так, то на сцене, а на сцене я – это не я. На сцене все понарошку.

– По правде там или понарошку, но брачные узы между вами были, вот она и нашла пристанище.

Тут Ли Яньшэн, словно опомнившись, спросил:

– Лао Дун, а все-таки, что за послание хотела передать Интао?

– Этого я знать не вправе, оно касается лишь тебя и Интао. Тут их разговор прервала Лао Куай:

– Прием окончен, – сказала она, подавая знак Ли Яньшэну, что пора уходить.

Ли Яньшэну пришлось встать и рассчитаться. Лао Куай, приняв оплату, выкрикнула во двор:

– Следующий.

Ли Яньшэн дошел почти до порога, но, кое-что вспомнив, остановился и обратился к уже вошедшему клиенту:

– Братец, подожди чуток, я еще не закончил.

Когда тот снова вышел на улицу, Ли Яньшэн вернулся к Лао Дуну и спросил:

– Лао Дун, позволь задать еще один дурацкий вопрос.

Не успел Лао Дун отреагировать, как Лао Куай, нахмурившись, проворчала:

– А не много ли ты хочешь сверх уже оплаченного?

Лао Дун в ответ оборвал Лао Куай:

– Он же местная знаменитость, не стоит равнять его с другими.

Тогда Ли Яньшэн задал свой вопрос:

– Не связано ли адресованное Чэнь Чжанцзе послание со смертью Интао? Ведь когда-то именно Чэнь Чжанцзе спровадил ее на тот свет.

Лао Дун подозвал Ли Яньшэна поближе, чтобы снова про-

щупать его кости. Прошло немало времени, наконец, он покачал головой и сказал:

– Никак не прощупать, глубоко спряталась.

Делать нечего, пришлось Ли Яньшэну откланяться. Итого за свой прием, включая оплату за срочность и прямой эфир, он заплатил двадцать пять юаней восемь цзяо. Это равнялось выручке Ли Яньшэна за десять с лишним дней от продажи соевого соуса, уксуса и засоленных овощей. Что поделать, дороговато, но зато он хотя бы выяснил, что его тяготило. Покинув дом Лао Дуна, он вдруг осознал, что пойти к Лао Дуну его сподвигла именно засевшая внутри него Интао; ведь только обратившись к нему, Ли Яньшэн мог обнаружить Интао; осознал он и то, что его нежелание брать с собой на прием Лао Мэна и Ху Сяофэн также было навязано ему Интао. И тогда он, обращаясь к самому себе, спросил:

– Интао, раз дела приняли такой оборот, скажи мне, что за послание ты хотела передать?

Он и подумать не мог, что обретшая во время прямого эфира душу Интао вдруг возьмет и оживет; пока он находился в доме Лао Дуна, она не показывала никаких признаков жизни, а тут вдруг показала; этого, наверное, и Лао Дун никак не мог ожидать; тут же Интао подала голос:

– Как только отправишься в путь, сразу обо всем узнаешь.

– Это же обычное послание. Может, не надо никуда ехать, а просто написать Чэнь Чжанцзе?

– Нельзя, это нужно сообщить лично.

– Лично или в письме, какая разница?

– Разница большая, если сообщишь лично, то получишь немедленный отклик, а если писать об этом в письме, то отклик получишь лишь в ответном письме, а на это уйдет уйма времени, – выдержав паузу, Интао продолжила, – при личном общении собеседнику сложно уклониться, а в письме он будет искать слова оправдания и отговорки. Взять тот же случай, когда месяц с лишним назад Чэнь Чжанцзе просил тебя приехать в Ухань на свадьбу. Обратись он к тебе лично, ты бы не смог сказать, что подвернул ногу, а в письме у тебя была возможность ему соврать.

Понимая, что Интао в общем-то права, Ли Яньшэн спросил:

– А если я дам обещание съездить в Ухань, когда ты покинешь мое тело?

– Как отправишься в путь, так сразу и выйду.

Ли Яньшэн вздохнул. Похоже, на этот раз от поездки в Ухань ему не отвертеться.

6

Поскольку от поездки в Ухань было не отвертеться, ведь Интао обещала выйти из Ли Яньшэна, лишь когда тот отправится в путь, то Ли Яньшэн ни о чем другом уже и не думал. Но думы о поездке тоже наводили на Ли Яньшэна тоску. Чтобы отправиться в Ухань сперва ему требовалось прой-

ти заставу в лице Ху Сяофэн. Месяц с лишним назад, когда речь шла о свадьбе Чэнь Чжанцзе, Ли Яньшэн уже принял решение никуда не ехать; тогда с чего вдруг он собрался туда спустя полтора месяца? Что ему понадобилось в этом Ухане? Не мог же он сказать правду и признаться, что внутри него прячется какая-то женщина. Да не просто какая-то, а сама Интао, которая раньше играла на сцене его жену; да если Ху Сяофэн услышит такое, то сразу лишится рассудка и тогда уже поведет в психиатрическую клинику не его, а отправится туда сама. Поскольку в Ухане праздновалась свадьба Чэнь Чжанцзе, то теперь этот город вызывал в их семье не лучшие ассоциации. Некоторое время назад Ли Яньшэн поссорился с Ху Сяофэн из-за похорон Большеротого У, что имело прямое отношение к свадьбе Чэнь Чжанцзе в Ухане; вот не случись бы той ссоры, все было бы нормально; теперь же приходилось ворошить прошлое, а это лишь обостряло дело; если он хотел уехать из дома, то будет лучше вообще не упоминать Ухань, а вместо него придумать любое другое место; причем для поездки необходимо придумать железобетонную причину. И тут Ли Яньшэн вспомнил, что каждый месяц их лавка делала закупки соленых овощей на одной из фабрик Лояна; сообразно сезону и ситуации с продажами в прошлом месяце, они корректировали ассортимент товара и в зависимости от этого заказывали или острую редьку, или острую капусту, или маринованный имбирь, или маринованную капусту, или маринованный зеленый лук, или марино-

ванные листья горчицы, или маринованные каперсы, или маринованный чеснок или маринованный арахис, или маринованные огурцы, или маринованные черные водоросли или пасту из соевых бобов... В свою очередь лоянская фабрика по производству солений отправляла заказанный товар на своем грузовике в Яньцзинь. Обычно такие заказы организовывал Лао Мэн, тот самый, что торговал табаком и алкоголем. Казалось бы, Лао Мэн торговал не соленьями, а табаком и алкоголем, однако один из двоюродных братьев Лао Мэна работал начальником цеха на лоянской фабрике солений, поэтому Лао Мэн мог заказать в Лояне так называемый нестандарт, то есть овощи, которые во время переработки или случайно нарезались криво, или превращались в крошку и т. д., но после маринования эти овощи, кроме внешних дефектов, на вкус в общем-то не отличались от нормальных; зато цена такой продукции была наполовину дешевле; в Лояне бракованную продукцию сбывали за полцены, зато в их яньцзиньской лавке такие соленья можно было продавать по полной цене. Итак, Ли Яньшэн мог договориться подменить Лао Мэна и отправиться в Лоян вместо него; сказать, что мол, появилось срочные семейные обстоятельства, а времени вырваться туда нет, так что он будет рад съездить в Лоян вместо Лао Мэна и заодно решить свои дела; поскольку соленьями торговал Ли Яньшэн, то его поездка в Лоян вместо Лао Мэна выглядела бы совершенно резонно; когда же подойдет время отъезда, Ли Яньшэн вместо Лояна напрямую

отправится в Ухань; а состав заказа на следующий месяц Лао Мэн возьмет и просто изложит своему брату в письме, перечислив необходимые соленья, сообразно сезону и текущей ситуации; это Интао не позволяла передать свое послание в письме, а Лао Мэн мог запросто скорректировать и отправить свой заказ в письменном виде; Ли Яньшэн с Лао Мэном работали вместе уже больше четырех лет, при этом ни разу не ссорились, Ли Яньшэн полагал, что обратиться он к Лао Мэну за помощью, тот ему не откажет. Что же касается Ху Сяофэн, то она в таких аргументах тоже не усомнится. Придумка с Лояном выглядела вполне себе правдоподобно, ничего более удачного Ли Яньшэн выдумать не мог. Однако, несмотря на всю свою убедительность, поездка в Лоян все-таки подразумевала поездку в Ухань, а тот находился намного дальше Лояна. От Яньцзиня до Лояна было больше трехсот ли, и дорога туда и обратно занимала на автобусе пару дней; от Яньцзиня до Уханя было уже две с лишним тысячи ли, так что в этом случае приходилось выбирать поезд. Поезда в то время ходили со скоростью пятьдесят-шестьдесят километров в час, к тому же следовало учитывать множество остановок по пути следования, стоянки на них были длительные, выходило, что поездка туда и обратно на поезде отнимала уже четыре дня; приехав в Ухань, в котором Ли Яньшэн никогда раньше не бывал, ему требовалось от вокзала добраться до дома Чэнь Чжанцзе, поговорить с ним, потом снова вернуться на вокзал – с учетом всех его блужданий и

остановок, выходил еще целый день; и притом, совершенно не обязательно, что на вокзале будут подходящие рейсы, там-сям задержался, вот и еще угрохал полдня; итого на поездку в Ухань следовало закладывать пять с половиной дней; вместо двух дней на Лоян вырисовывались целых пять с половиной дней на Ухань, – и что прикажете делать с этой разницей в три с половиной дня? Тогда Ли Яньшэн придумал такой ход: спустя два дня он по межгороду позвонит из Уханя Ху Сяофэн и скажет, что в Лояне у него поднялась температура, что он не может в таком состоянии отправляться в путь, и что ему придется на несколько дней задержаться в Лояне; такое ведь с каждым может случиться, никто от болезней не застрахован, так что Ху Сяофэн, скорее всего, ни о чем не догадается. Надо только четко объяснить, что у него температура, а не какое-нибудь нервное расстройство, от которого он мучился недавно, не то Ху Сяофэн мигом примчится в Лоян, и тогда весь его хитроумный план рухнет. После того как Ли Яньшэн уже придумал причину отлучки из дома, его одолели думы о дорожных расходах. Он подсчитал, что если от Яньцзиня до Лояна билет на автобус в обе стороны обходился в двадцать юаней, то от Яньцзиня до Уханя билет на поезд в обе стороны стоил уже сто двадцать юаней. И как же ему закрыть эту прореху в сто юаней? И потом, нельзя же в дороге ограничиваться лишь тратами на билеты? Неужели все это время вы обойдетесь без еды и питья? А где гарантия того, что деньги не понадобятся на что-то еще? Верно ведь

говорят, дома и тысяча дней пройдут сладко, а на чужбине и час покажется мукой. Как ни крути, а сотней юаней тут не ограничиться. Если б он отправился в Лоян, то эта поездка считалась бы за командировку, соответственно и все путевые расходы ему бы возместили на работе, а вот на поездку в Ухань Ли Яньшэн должен был спустить свою заначку; между тем, из своей припрятанной от Ху Сяофэн заначки он уже двадцать пять юаней восемь цзяо потратил на гадалея, так что на настоящий момент у него оставалось лишь десять юаней два цзяо. И где же ему, спрашивается, сверх этих десяти юаней двух цзяо раздобыть остальные сто с лишним юаней? Похоже, придется у кого-нибудь занять. И у кого же их занять? Пока Ли Яньшэн сбывал покупателям соевый соус, уксус и засоленные овощи, а заодно сычуаньский перец, бадьян и соленый доуфу, все это время его не отпускала мысль о том, кто бы в Яньцзине мог одолжить ему денег. Такой человек должен был отвечать двум критериям: во-первых, иметь под рукой свободные деньги; что значит свободные деньги? Это деньги, которые остаются помимо ежемесячных расходов на пропитание и семейные нужды. Во-вторых, этот человек должен быть близким другом Ли Яньшэна, чтобы охотно дать ему займы. Сперва Ли Яньшэн перебрал в уме всех своих родственников: дядьев и теток по отцу, дядьев и теток по матери, двоюродных братьев по отцу, двоюродных братьев по матери и т. д. Все они состояли с Ли Яньшэном в более менее близком родстве, и таких людей во всем Яньцзи-

не выходило больше десятка, однако, пересчитай он их конкретно по пальцам, и среди них не нашлось бы ни одного со свободными деньгами; иначе говоря, все его родственники были голодранцами, поэтому принимать их в расчет не приходилось, так что эту мысль он отбросил; тогда он стал думать о близких друзьях; таковых в Яньцзине тоже имелось больше десятка, однако у большинства друзей торговца соевым соусом, уксусом и засоленными овощами лишних денег так же не водилось. Ли Яньшэн промаялся целое утро, но никого подходящего так и не вспомнил. Причем, подбирая такого человека, Ли Яньшэну требовалось проявлять осмотрительность, ведь поездку в Ухань он планировал скрыть от Ху Сяофэн, соответственно одалживающий должен уметь хранить тайны. В момент полного отчаяния он едва не обратился к торговавшему табаком и алкоголем Лао Мэну, но потом рассудил, что тот получает практически столько же, сколько и он, при этом содержит детей и родителей, какие там у него свободные деньги; и потом, Ли Яньшэн и так уже попросил прикрыть его во время поездки в Ухань, так что приставать к нему еще и с деньгами было бы совсем неловко, поэтому Лао Мэна он тоже исключил. Никто другой, кроме родственников, друзей и Лао Мэна, Ли Яньшэну в голову как-то не приходил. Промучившись полдня, в обеденный перерыв он отправился домой. Пройдя от улицы Дунцзе к улице Бэйцзе, он оказался рядом с баней; когда Ли Яньшэн заметил баню, его словно озарило, он тут же подумал про банщика Лао Бу,

ведь деньги можно было одолжить у него.

Лао Бу жил бобылем, в этом году ему перевалило за пятый десяток. Когда-то Лао Бу тоже обзавелся семьей, но вот детей не нажил. Когда же ему исполнился тридцатник, жена сбежала от него вместе с его же двоюродным братом; куда именно до сих пор никто не ведал. После случившегося его не раз пытались познакомить с кем то еще, однако, с одной стороны, у Лао Бу после этого остался неприятный осадок, первые два года после побега жены он то и дело всплескивал руками и вопрошал: «Как это брат, с которым мы провели все голозадое детство, мог отважиться на такое?»; с другой стороны, новые претендентки в большинстве своем ему не подходили; как говорится, лучших он бы не потянул, а худших ему и самому не хотелось, вот он все время и колебался, откладывая женитьбу на потом; когда же Лао Бу стукнуло пятьдесят, то он уже и сам к этому делу охладел. «Жизнь в одиночку, – говорил Лао Бу, – имеет свои плюсы. Что называется – один наелся и все семейство сыто, табуретка от голода взаперти не помрет». Раз так, то, казалось бы, Лао Бу мог тратить деньги в свое удовольствие и ни в чем себе не отказывать, однако он проявлял бережливость, и, если к нему в руки попадали деньги, он старался их не тратить и по возможности даже копить. Он рассуждал так: «Иные богачи могут жить и ничего не копить, а мне следует кое чего и запасти, я эти денежки своим трудом по два цзяо вышкрывал, они мне не просто так достались». Это означало, что

его услуги банщика стоили два цзяо за помывку. А еще он говорил так: «Если у человека есть сын или дочь, ему можно обойтись и без накоплений, а я – один как перст, мне без накоплений никак; о других в старости позаботятся дети, а мне нужно позаботится о себе самому, верно я говорю?» Все с ним соглашались, и Ли Яньшэн тоже, заодно понимая, что у него водятся деньжата.

Ли Яньшэн подружился с Лао Бу, поскольку при каждом посещении бани на улице Бэйцзе обращался за услугами именно к нему. Всего в этой бане работало пять банщиков, но Ли Яньшэн выбирал Лао Бу не только потому, что тот проявлял усердие, но еще из-за своей любви к его речам. Речь Лао Бу отличалась особой убедительностью, то есть, касаясь какой-либо темы, он всегда мог раскрыть суть чего бы то ни было. Ну, к примеру, пока он тер его мочалкой, то рассуждал о том, что самое ужасное на свете это отношения, когда один считает кого-то своим другом, а другой – нет; тут есть опасность открыть душу абсолютно чужому человеку; и хорошо, если на этой почве не возникнет конфликта, иначе – позора не оберешься. Ли Яньшэну такие мысли казались здравыми. В другой раз, натирая Ли Яньшэна мочалкой, Лао Бу начинал рассуждать о том, что самое ужасное на свете – это шляться по улицам на пустой желудок, тут легко удариться в потребительскую лихорадку. И здесь Ли Яньшэн тоже не мог с ним не согласиться. Торгуя в своей лавке соевым соусом, уксусом, засоленными овощами, сычуань-

ским перцем, бадьяном и соленым доуфу, он замечал, что в определенные часы перед обедом или ужином покупателей, желающих приобрести соевый соус, уксус, засоленные овощи, сычуаньский перец, бадьян и соленый доуфу, становится больше; причем помимо необходимого товара, прихватывается что-то еще; а вот после обеда или ужина, в лавке воцарялось спокойствие; если даже кто и заходил, то покупал что-то конкретное: пришел за солью – купил соль, пришел за уксусом – купил уксус. Единственное, чего не мог взять в толк Ли Яньшэн, это как у такого разумного человека как Лао Бу, кто-то смог взять и увести жену? И не просто кто-то, а двоюродный брат. Поскольку Ли Яньшэн часто прибегал к услугам Лао Бу, то они подружились; поэтому сейчас, столкнувшись с трудностью, Ли Яньшэн решил обратиться к нему.

После обеда Ли Яньшэн вернулся в лавку, попросил Лао Мэна присмотреть за товаром, а сам, не спеша, направился в сторону улицы Бэйцзе, где находилась баня. Прежде чем просить денег он решил помыться, а заодно поговорить о своей проблеме; это выглядело как-то естественнее, чем просто взять и попросить в лоб. Уже у самого входа в баню Ли Яньшэн вдруг спохватился и обратился к сидевшей в нем Интао:

– Интао, тебе дальше нельзя, это мужская баня.

– Ну раз так, – ответила она, – подожду снаружи.

С этими словами она из него выпрыгнула. Ли Яньшэну тут

же показалось, что он даже стал легче, но, подумав, что на выходе из бани Интао снова запрыгнет в него, он понял, что никуда ему от нее не деться, а потому пригорюнился снова.

Зайдя в баню, Ли Яньшэн как обычно разделся, перевязал одежду веревкой, подвесил ее к балке и запрыгнул в бассейн отмокать; как следует пропотев и раскрасневшись, он вылез из бассейна и направился к кушетке Лао Бу, чтобы тот растер его мочалкой.

Заняв каждый свое место, мужчины для начала перебрались обычными фразами:

– Лао Бу, как продвигается твое дело? – спросил Ли Яньшэн.

– Кое как, – ответил тот, – ведь баня – это дело зимнее, а поскольку на носу уже «начало лета»¹⁸, то народ может и дома нормально помыться, кто пойдет в баню сорить деньгами?

Сделав паузу, Лао Бу поинтересовался:

– Яньшэн, ты ведь месяц с лишним уже не заглядывал? Такие струпья отваливаются, словно вылез из грязной ямы.

Ли Яньшэн про себя согласился, что весь последний месяц он и правда целиком растворился в своей тоске, забыв о мытье.

– Это точно, совсем замотался, чувствую, что тело уже зудится, дай, думаю, помоюсь.

Поддержав разговор, Ли Яньшэн тут же перешел к глав-

¹⁸ Один из 24 сезонов сельскохозяйственного календаря

ному:

– Лао Бу, как ты считаешь, у нас с тобой как у земляков нормальные отношения?

– Нормальные, – ответил Лао Бу, не отрываясь от дела, – ты ведь всякий раз, когда в баню приходишь, у меня обслуживаешься.

– Хочу с тобой потолковать по душам.

– Говори.

– Можешь мне немного денег занять?

Лао Бу замер:

– А сколько?

– Сотню с лишним.

– На какие цели?

Ли Яньшэну не хотелось рассказывать про Ухань и про послание для Интао, поэтому он принялся фантазировать на ходу:

– Моя вторая тетка перестраивает дом, попросила немножко помочь финансами; она всегда была ко мне добра, а когда я женился, дала мне больше сотни юаней, поэтому сейчас как-то неудобно ей отказать.

Лао Бу, снова взявшись за мочалку, ответил:

– Надо было тебе вчера с этой просьбой обратиться.

– В смысле?

– Вчера моего дядю положили в больницу, пришлось одолжить деньги тетке.

Немного помолчав, он продолжил:

– У тебя строительство дома, а там речь о спасении человека. Как говорится, деньги надо одалживать тому, кто в этом срочно нуждается. При таком раскладе я вынужден был отдать деньги им, но никак не тебе.

Ли Яньшэн тут же уловил в его словах нестыковку и понял, что отговорку с болезнью родственника Лао Бу придумал только что; даже если представить, что его дядя и правда заболел, да еще прямо вчера, то тогда сейчас Лао Бу ни к чему было прикрываться «таким раскладом»; ведь дилемма кому именно отдать деньги была возможной лишь при условии, если бы деньги у него просили одновременно; всегда такой рассудительный Лао Бу вдруг совершенно запутался, это говорило о том, что он просто решил придумать отговорку, чтобы не давать денег и все. А может, дело тут было вовсе и не в деньгах, а в их недостаточно дружеских отношениях, что соответствовало одному из высказываний Лао Бу про «самое ужасное на свете», когда один считает кого-то своим другом, а другой – нет, и когда один открывает душу абсолютно чужому человеку, и хорошо, если при этом не возникнет конфликта, иначе – позора не оберешься.

Лао Бу, похоже, и сам понял, что сморозил глупость, поэтому попытался выкрутиться:

– Если бы речь шла о десятке, то и проблем бы не было, но больше сотни юаней – сумма немаленькая.

Выдержав паузу, он продолжил:

– Я и тетке своей сказал, что деньги мне достаются непро-

сто, я их своим трудом по два цзяо вышкрябываю, поэтому дать – дам, но при малейшей возможности хорошо бы их вернуть.

– Ничего страшного, просто к слову пришлось.

– Раз уж ты все-таки поднял этот вопрос, а денег не получил, то хотя бы не плати сегодня за мои услуги.

«Это погоды не сделает», – подумал про себя Ли Яньшэн. Завершив процедуру, он взял бамбуковую бирочку с фамилией Лао Бу и направился к кассе, чтобы заплатить два цзяо.

Едва он вышел из бани, как в него снова запрыгнула Интао; тело Ли Яньшэна тут же отяжелело, а душа словно заросла бурьяном. Однако, не обращая на это никакого внимания, Ли Яньшэн опять принялся ломать голову, у кого же ему занять денег. Ведь только заняв денег, он мог отправиться в Ухань; только съездив в Ухань, он мог избавиться от Интао. Но почему ему в голову никак не приходил тот, кто смог бы дать ему займы? И тут он заметил Лао Бая, мясника с местной скотобойни. Тот шел по улице, толкая перед собой тачку с корзиной, доверху набитой свиными лытками. Ли Яньшэн знал, что эти лытки он везет в ресторанчик «Маршал Тяньпэн». Всего в Яньцзине было три скотобойни, и большая часть свиных лыток всегда отправлялась туда. Увидав лытки, Ли Яньшэн вдруг вспомнил про Лао Чжу, который держал это заведение; наверняка, тот мог бы дать ему в долг. Все эти дни он с головой погряз в горестях и переживаниях, поэтому так же, как и в случае с баней уже долгое время

не ходил в ресторанчик «Маршал Тяньпэн», чтобы полакомиться лытками, позабыв даже про такую возможность. Тушеные лытки в исполнении Лао Чжу шли на ура, так что в Яньцзине он слыл человеком при деньгах. Помимо этого, Лао Чжу любил слушать оперу; из-за этого он, как и гадатель Лао Дун, до сих пор воспринимал Ли Яньшэна как местную знаменитость, хотя тот уже давно был не у дел; это в чем-то сближало его с директором яньцзиньского механического завода Ху Чжанькуем, который когда-то из-за любви к опере приютил на заводе Ли Яньшэна, Интао и Чэнь Чжанцзе. Лао Чжу не только любил послушать оперу, но еще и с удовольствием драл горло сам. Прямо за ресторанчиком «Маршал Тяньпэн» протекала речка, каждый день с утраца пораньше Лао Чжу выходил к берегу и, обратившись лицом к полю, затягивал какую-нибудь арию, отмечая наступление нового дня. Однако, если в готовке лыток он слыл мастером, то до исполнения опер он явно не дотягивал, не было ни одной ноты, которой бы он не переврал. Понимая, что с пением у него нелады, всякий раз, когда в ресторан заходил Ли Яньшэн, он пытался разузнать у него певческие хитрости. Ли Яньшэн хоть и понимал, что Лао Чжу явно не рожден для того, чтобы стать певцом, тем не менее, обгладывая лытки, терпеливо объяснял ему все тонкости этой профессии. Лао Чжу непрерывно кивал, а иногда даже кормил Ли Яньшэна за бесплатно. Если Лао Чжу и прежде был так добр к Ли Яньшэну, то обратись тот к нему за помощью в трудную минуту, проблем

бы наверняка не возникло.

Подойдя к ресторанчику «Маршал Тяньпэн», Ли Яньшэн решил внутрь не заходить. Там оказалось полно народу, поэтому заводить речь о деньгах Ли Яньшэну было бы неудобно; Лао Чжу, который крутился как белка в колесе, тоже было бы несподручно проявлять внимание к другу. Поэтому Ли Яньшэн подошел туда между обедом и ужином. Он не появлялся здесь уже больше месяца, и сейчас сбоку от входа он заметил новый навес; чуть поодаль стояло несколько огромных железных тазов, доверху наполненных лытками, рядом толклись пять-шесть разнорабочих; вооружившись скребками, они очищали копытца от щетины; обработав лытку, они бросали ее в другой таз. Под самым навесом располагался огромный котел, на вид в целый чжан¹⁹ в обхвате, под ним, треща на все лады, пылали дрова и, облизывая края, поднимались языки пламени; в набитом до отказа котле, в кипящем бульоне ворочались свиные лытки.

Ли Яньшэн отдернул занавеску, зашел внутрь и тут же увидел сидевшую за прилавком жену Лао Чжу, которая, перебирая костяшки счет, подбивала выручку.

– А чего у вас котел с лытками у порога? – поинтересовался Ли Яньшэн.

Жена Лао Чжу, подняв голову, мельком взглянула на Ли Яньшэна и сказала:

– На кухне ремонт, выкручиваемся как можем.

¹⁹ Примерно 3 метра

– Раз на кухне ремонт, значит дела идут в гору.

– Более-менее, – ответила жена Лао Чжу, не отрываясь от дела.

– А где Лао Чжу?

– Зачем он тебе?

– Разговор есть.

– Если что-то срочное, то разговора организовать не получится.

– Это почему? – удивился Ли Яньшэн.

– Он уехал в Дацин.

– А что в Дацине?

– У него была тетка, которая вместе с мужем уехала на Дацинские нефтепромыслы, там их семья пустила корни, а несколько дней назад тетка померла, поэтому он уехал на похороны.

Ли Яньшэн на секунду осекся, после чего спросил:

– А когда вернется?

– Трудно сказать, самое меньшее – дней через семь, а самое большее – через полмесяца, тут надо выдержать седмицу, а потом уже хоронить. А если учесть, что от Яньцзиня до Дацина больше четырех тысяч ли, да и ехать туда приходится на двух поездах, то как все оно сложится вообще непредсказуемо.

Ли Яньшэн понял, что и тут занять деньги ему не повезло. Мобильных телефонов в те годы не было, связаться с Лао Чжу он никак не мог; если с Лао Чжу Ли Яньшэн все-таки

общался, то с его женой он ни в каких дружеских отношениях не состоял, они лишь знали друг друга в лицо; оперных арий жена Лао Чжу не пела, певческих хитростей у него не разублаивала, поэтому озадачивать ее своими проблемами Ли Яньшэн не стал, чтобы не совершить ту же ошибку, которую он допустил с Лао Бу, открыв душу абсолютно чужому человеку. Пока Ли Яньшэн, качая головой, выходил из ресторанички «Маршал Тяньпэн», он не переставал сетовать на тетку Лао Чжу, которую угораздило помереть настолько невовремя.

За целый день так и не найдя никого, кто мог бы одолжить денег, и не придумав иных вариантов, Ли Яньшэн потерял весь сон. Проснувшись среди ночи и уже не в силах сомкнуть глаз, он пристроился на краешке кровати и, уставившись в темень за окном, затосковал. Окунувшись в свою тоску, он принялся бормотать себе под нос:

– Интао, эта твоя прихоть с Уханем меня скоро в гроб загонит.

– Я же не думала, что твои отношения с окружающими окажутся столь безнадежны, – ответила Интао.

Тут неожиданно проснулась Ху Сяофэн и, заметив, что Ли Яньшэн, уставившись в окно, снова разговаривает сам с собой, перепугалась:

– Снова обострение?

– Да нет, – поспешил отбрехаться Ли Яньшэн.

– С кем ты тогда разговаривал?

– Ни с кем, просто вспомнилось кое-что по работе, выско-
чило случайно.

На следующий день, торгуя в своей лавке, Ли Яньшэн сно-
ва все время промаялся в своих думах, у него даже черепуш-
ка заболела, но ничего дельного он так и не придумал. До-
ждавшись окончания рабочего дня, Ли Яньшэн в одиноче-
стве поплелся домой. Шел он шел и подойдя к перекрест-
ку, заметил местного дворника Го Баочэня, который в све-
те уличных фонарей накалывал на палку с иглой бумажный
мусор. Вдруг Интао возьми, да и подай голос:

– Яньшэн, обратись к нему, он сможет тебе одолжить.

Ли Яньшэн, услышав такое от Интао, решил, что это пол-
ная чушь, Го Баочэнь работал обычным дворником и в ме-
сяц получал в половину меньше, чем Ли Яньшэн, к тому же
у него было пятеро детей, поэтому он еле-еле сводил концы
с концами; в свободное от основной работы время он соби-
рал на улицах бумажки и сдавал их в пункт утиля, где вы-
ручал еще какие-то крохи на домашние расходы. Откуда у
него могли водиться деньги? Ну раз уж Интао дала ему такой
совет, ничего не поделаешь, и Ли Яньшэн решил попробо-
вать. Как говорится, попытка – не пытка, по крайней мере,
если потом придется спорить с Интао, у него появится бонус;
а еще он подумал, что занимать у Го Баочэня как минимум
было безопасно, поскольку тот не любил болтать и умел хра-
нить тайны.

Хотя Го Баочэнь и был дворником, по словам гадателя

Лао Дуна, выходило, что в прошлой жизни он занимал посты военного губернатора и премьер-министра. Даже в нынешнем своем существовании Го Баочэнь имел военную выправку, багровое лицо и звучный, словно колокол, голос, ни дать ни взять как у военного губернатора или премьер-министра. Однако, подобно Большеротому У, который держал харчевню у северных ворот, несмотря на свой звучный, словно колокол голос, Го Баочэнь ограничивался максимум десятью фразами в день. Как говорил гадатель Лао Дун, благородный человек не спешит разглагольствовать. Между тем яныцзины частенько подшучивали над Го Баочэнем; проходя мимо и заметив того с метлой в руках, они начинали его задирать: «Как поживает премьер-министр?» или «Кабинет министров нынче переехал на перекресток?» Го Баочэнь, понимая, что над ним насмеваются, поначалу не обращал на это внимания; но кто же думал, что чем больше он будет не обращать на это внимания, тем больше над ним будут потешаться; со временем Го Баочэнь перешел к другой тактике, перестав мести улицу и опершись на метлу, он сурово отвечал: «Раз понимаете, что здесь министерство, а не хуры-мухры, нечего тут шнырять, убирайтесь отсюда!» Тогда народ со смехом, расходился.

Некоторые приставали к Го Баочэню с расспросами, с кем именно он встречался, что интересного с ним случалось на посту премьер-министра. Поначалу Го Баочэнь не обращал на это внимания; но кто же думал, что чем больше он будет

не обращать на это внимания, тем больше его будут донимать этими вопросами; со временем Го Баочэнь стал отвечать так:

– Вспомнил, кое-что любопытное имело место быть.

– И что же?

– В те годы твоя сестрица была моей наложницей, да только в постели от нее не было никакого толку. Так и скажи ей, когда вернешься, чтоб сегодня ко мне не приходила.

И тогда спрашивающие, фукая, огрызались:

– Это от твоей сестрицы нет толка.

Когда же Го Баочэнь оставался один, то частенько бормотал себе под нос:

– Был бы я сейчас премьер-министром, уже давно бы вас, выродков, изничтожил, не шлындали бы тогда и не чесали бы языками.

А иной раз он, тяжело вздыхая, вспоминал фразу из учебника начальных классов: «Страна погибает, а горы и реки целы»²⁰.

В прошлом месяце на тот свет ушел хозяин харчевни у северных ворот Большеротый У, буквально накануне перед тем как помереть он выпивал с Го Баочэнем. Поэтому теперь некоторые ему говорили:

– Старина Го, а ведь смерть Большеротого У имеет отношение к тебе.

Тогда Го Баочэнь убирал в сторону метлу, устраивался на

²⁰ Из стихотворения Ду Фу «Весной смотрю вдаль» (Пер. Е. Захарова)

корточках поближе к перекрестку и от всей души начинал рыдать.

– Ты друга в могилу свел, теперь слезами горю не поможешь, – подначивали его.

– Я оплакиваю друга, а заодно и себя, потому что теперь у меня больше не осталось в Яньцзине друзей.

Всхлипнув для порядка пару раз, он, наконец, поднимал голову, к этому времени местный зубоскал уже успевал удалиться прочь. Го Баочэнь вытирал слезы, прочищал нос, брал метлу и возвращался к работе.

Поскольку Интао наказала Ли Яньшэну обратиться к Го Баочэню, Ли Яньшэн напрямиком направился к нему.

– Баочэнь, у меня к тебе одно дело.

Го Баочэнь перестал натывать бумажки на палку и спросил:

– Какое?

– Можешь мне немного занять?

– Сколько?

– Примерно сотню.

– Ладно.

Ли Яньшэн приятно удивился:

– У тебя правда есть деньги?

– Но с одним условием, – продолжал Го Баочэнь.

– С каким?

– Если хочешь занять, сперва одолжи.

– Это как? – удивился Ли Яньшэн.

– У меня денег как бы и нет, но я могу помочь их выиграть.

Несмотря на то, что дома у Го Баочэня было хоть шаром покати, он страстно любил азартные игры. Наверное, эта дурная привычка передалась ему из прошлой жизни, когда он находился в теле премьер-министра. Будь то зарплата или дополнительный заработок, который сперва он планировал пускать на семейные нужды, проходило всего лишь несколько дней, и больше половины его заработка утекало в подпольные игорные дома, в результате его домочадцы часто оставались голодными. Он то и дело занимал деньги у всех, с кем только был знаком. При этом удивительно, что он никогда не обращался с такой просьбой к Большеротому У; наверняка, хотел оставить за собой шанс выпить. Занимая у людей деньги, Го Баочэнь обычно говорил так:

– Не переживайте, верну буквально через пару часов.

Постепенно его раскусили и в ответ говорили:

– Раз через пару часов у тебя появятся деньги, просто пережди эти два часа и все.

Ли Яньшэн, услышав условие Го Баочэня, остолбенел:

– То есть я одолжу тебе, ты вроде как одолжишь мне, после чего пойдешь играть, а если не выиграешь?

– Исключено, я сверялся с календарем, на этот месяц он сулит всем, родившимся в год свиньи, удачу в денежных делах, такое выходит лишь раз в тридцать лет. Так что если тебе нужны деньги, и ты пришел за ними ко мне – это судьба. Дай мне в долг, а я выиграю и, помимо этого долга, еще наки-

ну тебе необходимую сотню, как тебе такой вариант, сплошная выгода.

– А вдруг ты проиграешь?

– Если проиграю, будем считать, что я тебе ничего не должен, а если выиграю, то ты мне ничего не должен, а если у тебя кишка тонка, то, тогда извини, денег нет. А раз денег нет, так и разговор окончен.

Ли Яньшэн не знал, как ему лучше поступить, но тут он вспомнил слова гадателя Лао Дуна, который рассказывал, что Го Баочэнь в прошлой жизни был премьер-министром, а премьер-министрам сопутствует удача, поэтому если ему выпала удача в денежных делах, то наверняка так и произойдет. Если он прямо сейчас не даст в долг Го Баочэню, то вряд ли найдет другой способ, чтобы получить необходимую сумму, поэтому он решился на авантюру. От перекрестка Ли Яньшэн вернулся в свою лавку, достал припрятанные за стеллажом последние десять юаней два цзяо, два цзяо вернул на место, с собой взял десять юаней, вернулся к перекрестку и отдал их Го Баочэню. Го Баочэнь взял деньги и с серьезным лицом произнес:

– Завтра в восемь утра на этом же месте.

С этими словами он отбросил свою дворницкую палку и умчался прочь.

На следующий день ровно в восемь Ли Яньшэн подошел к перекрестку и заметил метущего улицу Го Баочэня; тот махал метлой и зевал. Ли Яньшэн подошел к нему и спросил:

– Ну как, Баочэнь, выиграл или проиграл?

– Проиграл.

Заметив волнение Ли Яньшэна, он тут же поспешил его успокоить:

– Хоть и проиграл, зато нашел того, кто сможет тебе занять.

– И кто это?

– Лао Шан, он вчера восьмерых обыграл.

Сделав паузу, Го Баочэнь добавил:

– Я хоть и проиграл, зато не забыл про друга, которому нужны деньги, ну что, есть от меня толк?

Попав в такой переплет, Ли Яньшэн лишь спросил:

– А сколько этот Лао Шан может одолжить?

– Сказал, что сотню одолжит. Но сразу хочу предупредить, что отдает он их под тридцать процентов.

Делать нечего, Ли Яньшэн лишь сказал:

– В таком случае попроси, чтобы он дал две сотни.

Покинув Го Баочэня, Ли Яньшэн обратился к сидевшей в нем Интао: «Ну, Интао, гораздо же ты издеваться надо мной».

7

Вечером за ужином Ли Яньшэн объявил Ху Сяофэн, что завтра должен ехать в Лоян на фабрику солений, чтобы заказать товар.

– Завтра едешь, а почему говоришь об этом только сейчас? – спросила Ху Сяофэн.

– Так я только-только узнал, вообще-то в Лоян должен был ехать Лао Мэн, тот самый, что торгует табаком и алко-голем, он туда каждый месяц ездит, у него на этой фабрике родня, но сегодня в обед его прохватил понос, а с фабрикой-то уже договорились, так что мне тут никак не отвертеться.

Сделав паузу, он добавил:

– Мы почти пять лет как вместе работаем, не удобно отказывать.

И снова добавил:

– А я как раз соленья продаю, мне лучше знать, что именно заказывать.

– Раз ты едешь в Лоян, тогда я с тобой, – отозвалась Ху Сяофэн.

Ли Яньшэн перепугался, ведь на самом деле он собирался в Ухань, если Ху Сяофэн отправится вместе с ним, вся правда откроется. При этом он знал, насколько Ху Сяофэн упряма, уж если втемяшит что-то в голову, пиши пропало, начнешь противоречить – и десять быков не помогут; поэтому тут следовало найти такую причину, чтобы она сама отринула свою же идею, тогда все бы встало на свои места; поэтому он с самым радостным видом сказал:

– Ну и здорово, будет веселее в дороге.

Перед тем как лечь спать Ли Яньшэн снова завел разговор:

– Давай, пока не уснули, обсудим нашу поездку, если выдвинемся с утра, значит после обеда уже прибудем в Лоян, я сразу поеду на фабрику, чтобы сверить заказ, посмотреть, что там они засолили к этому сезону, чего у нас хватает не хватает, что у нас нарасхват, а что продается не очень. Надо по каждому пункту пройтись, посчитать, что там у каждого товара выходит по цене, на что можно сделать скидку, на что нельзя и только потом уже делать окончательный заказ. На ночь придется остаться в Лояне, а уже утром следующего дня поедем назад; а ты как, поедешь со мной на фабрику или просто погуляешь по городу?

– Зачем мне фабрика, я еду в Лоян, чтобы развеяться; это тебе не Яньцзинь, Лоян – большой город.

– Хорошо, тогда каждый займется своим делом, – ответил Ли Яньшэн и тут же спросил, – а ты хочешь просто развеяться или у тебя какие-то конкретные идеи?

– Конкретные идеи, хочу походить по магазинам, прикупить чего-нибудь.

– А что именно-то?

Ху Сяофэн принялась загибать пальцы:

– Крем под пудру, гель-блеск для волос, мыло с ароматом османтуса, потом еще ребенку пластиковые сандалии бегать по лужам, себе брюки из лавсана, потом еще килограмм пряжи из верблюжьей шерсти, вернемся – свяжу тебе свитер с высоким воротом.

– Я, конечно, извиняюсь, – встрял Ли Яньшэн, – но все

это продается и в нашем магазине в промтоварах и в отделе одежды; причем те же вещи в Лояне будут стоить на треть дороже, чем у нас. Правильно ты говоришь, Лоян – большой город, и вещи там стоят дороже.

Ху Сяофэн осеклась, после чего спросила:

– Что-то не пойму, ты не хочешь, чтобы я ехала?

– Да нет же, просто заранее предупреждаю, чтобы ты потом не жаловалась, что поездка в Лоян принесла больше ущерба, чем пользы. Помнишь тот случай, когда ты купила в Синьсяне эмалированный тазик? Ведь сама же попалась на удочку, а меня обвинила, что не подсказал по ценам, даром, что продавец, и мне тогда пришлось молча это проглотить.

Пока Ху Сяофэн потеряла дар речи, Ли Яньшэн продолжал гнуть свое:

– Я тут посчитал, все, что ты задумала там купить, в Яньцзине обойдется тебе максимум в двадцать юаней, а в Лояне за это же придется выложить как минимум больше тридцати.

Ху Сяофэн, подумав, сказала:

– Тогда обойдусь без покупок, просто погуляю.

– И все-таки я должен тебе сказать, что просто погулять в Лояне не получится. Я-то еду туда в командировку, поэтому мне все дорожные расходы компенсируют, а ты едешь в Лоян погулять, так что твои дорожные расходы придется покрывать из нашего кармана. Если добираться туда на междугороднем автобусе, только билеты туда и обратно обойдутся в двадцать юаней, за эти деньги можно купить все, что ты

хотела.

Ху Сяофэн снова замолчала, наконец, после долгой паузы произнесла:

– Я у себя в оберточном цехе в месяц получаю чуть больше пятидесяти юаней, а тут на одну поездку понадобится двадцать, так и быть, езжай один.

Сделав паузу, она добавила:

– А эти вещи я и здесь куплю.

И снова добавила:

– А раз так, то с покупками можно и подождать, ладно, потом обсудим.

С этими словами она разделась и шмыгнула под одеяло. Ли Яньшэн с облегчением вздохнул. Вдруг Ху Сяофэн снова уселась на кровати и спросила:

– А вдруг у тебя в дороге снова начнется приступ?

– Со мной уже все в порядке, – откликнулся Ли Яньшэн, – разве ты что-то замечала в последние три дня?

С тех пор как Ли Яньшэн ходил к гадателю Лао Дуну и лицезрел там Интао, как раз минуло три дня.

– И правда не замечала, – подумав, сказала Ху Сяофэн.

– Значит все прошло. В поездке я хоть развеюсь, мне это только на пользу пойдет.

– Только будь осторожнее в дороге, – наказала ему Ху Сяофэн.

– Не переживай, все будет хорошо.

Ху Сяофэн снова шмыгнула под одеяло и уснула.

На следующий день с утра пораньше Ли Яньшэн покинул Яньцзинь и отправился в Ухань. Поскольку с пустыми руками к другу не поедешь, Ли Яньшэн, помня, что раньше они с Чэнь Чжанцзе часто лакомились свиными лытками, перед самым отъездом заглянул в ресторанчик «Маршал Тяньпэн» и на пять юаней купил десять лыток.

Ли Яньшэн рассчитывал на то, что Интао передаст ему сообщение для Чэнь Чжанцзе еще в Яньцзине, после чего он отправится в путь, а Интао его покинет и останется в Яньцзине. Однако он уже сел в автобус до Синьсяна, а Интао так ничего ему и не сообщила, при этом продолжая оставаться в его теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.